

Гарри Боро
ГАРМОНИЯ (Зв1)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Гарри Боро
Гармония (3 в 1)

«Автор»

2006

Боро Г.

Гармония (3 в 1) / Г. Боро — «Автор», 2006

На месте гибели влюбленной пары следователь находит дневник молодого человека. Дневник описывает странный мир полуживотных – полулюдей и больше напоминает записки сумасшедшего чем описание дней и событий. Но чем глубже следователь погружается в расследование дела и чтение дневника, тем меньше нормального он видит в окружающем мире.

© Боро Г., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	32
Глава шестая	39
Глава седьмая	44
Глава восьмая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Гарри Боро

Гармония (3 в 1)

*Пессимистично-оптимистичное, сентиментально-сатирическое,
насильственное*

Посвящение Сорену

*«The more abstract the truth that one wishes to teach is, the more one
must begin by seducing the senses to it»*

Фридрих

«Сложно объяснить, как это случилось. Возле последнего необитаемого острова Земли столкнулись подводная лодка и самолет. Выжившие участники трагедии долгое время пребывали в шоке. Многие потеряли своих родных и близких, а потому не сразу взялись выяснять детали произошедшего. Поэтому никто и не помнил детали. «Авиаторы», как называли себя бывшие пассажиры лайнера, во всем обвиняли «подводников»: мол, если бы лодка не всплыла из глубины в тот момент, когда над ней пролетал самолет, то столкновения бы не произошло. «Подводники», в свою очередь, утверждали, что это самолет летел слишком низко и они тут вовсе ни при чем...

Как бы там ни было на самом деле, но взаимные претензии уже через три дня после катастрофы разбили людей на два враждебных лагеря. Авиаторы облюбовали для проживания одну из двух островных гор, а подводники расположились у подножия второй. Дело в том, что подводникам удалось спасти главную ценность погибшей субмарины – атомный реактор. Затащить его на вершину горы оказалось невозможно, а потому бывшие члены экипажа подводной лодки остановились вместе с реактором там, где выбились из сил. Что же касается авиаторов, то в условиях изначальной вражды с подводниками они могли рассчитывать только на альтернативные источники жизненно необходимой энергии. Например, на ветряные мельницы. Ветер на горном плато, естественно, дул намного сильнее, чем внизу, и кто-то из умных людей, возглавлявших колонну авиаторов, удалявшихся от подводников, вдруг остановился посреди этого плато и сказал: здесь!

Вообще-то, умных людей хватало как с той, так и с другой стороны. На подводную лодку абы кого не посадят, а на самолете летело немало бизнесменов, преподавателей средних учебных заведений (каникулы все-таки) и даже участников научно-практической конференции по микробиологии. Правда, из микробиологов спастись удалось всего одному лаборанту, но по меньшей мере таблицу Менделеева (черт знает почему) он знал как «Отче наш». Ну а всевозможные истории про злоключения вынужденных островитян – от Робинзона Крузо до Повелителя мух – читали большинство выживших. То есть изначально все настраивались на длительное проживание в условиях дикой природы и ни о каком быстром спасении не помышляли.

В соответствии с такими взрослыми представлениями о постигшем их несчастье и подводники, и авиаторы обустроивали свой быт, казалось бы, на века. Проще, конечно, было подводникам. Реактор за три недели решил все их проблемы с энергией, и уже к концу первого месяца пребывания на острове однажды ночью у подножия Подводной горы над тремя короткими рядами бревенчатых домов вспыхнул ослепительный и неестественный для здешних мест голубоватый свет. Авиаторам пришлось повозиться намного дольше. Только на сооружение ветряных мельниц ушло около двух месяцев. Во-первых, несмотря на коллективный ум, никто не мог рассчитать наиболее постоянный режим ветряных потоков. Во-вторых, людей, приспособленных к физическому труду, в рядах авиаторов оказалось маловато.

– Будут проблемы, – сказал «Тот, который сказал: здесь!» даже по окончании всех работ по сооружению мельниц и жилья.

– Какие? – тут же откликнулся оказавшийся рядом Лаборант – микробиолог.

«Тот, который сказал: здесь!» посмотрел на него с неприязнью.

Незадолго до этого Лаборант проштрафился при расчете ветряной константы, из-за чего половину сделанных работ пришлось переделывать, и теперь «Тот, который сказал: здесь!» считал микробиологию самой бесполезной наукой на свете. Однако в свои сорок два года он обладал недюжинной житейской мудростью и понимал, что для коллективного выживания на острове им требуется жесткая организация и дисциплина. То есть вожак. «Повелителя мух» он не читал. Он вообще мало читал, поскольку всю жизнь занимался делом, мало располагающим к вдумчивому времяпровождению с книгой. «Тот, который сказал: здесь!» работал ассенизатором.

На такой работе первоочередное значение имеет не смысл жизни, интерпретированный в зависимости от личного опыта в литературных опусах, а запах бытия. Поэтому в свободное время «Тот, который сказал: здесь!» разводил цветы и по пять раз в день принимал ванну с душистыми добавками. Значение дисциплины и организации он уяснил для себя не из книг, а из нестандартных ситуаций, когда чей-то решительный окрик спасал целый город от потоков дерьма, отправляя людей на борьбу с буро-зелено-коричневым злом. В юности «Тот, который сказал: здесь!» был среди тех, кого отправляли. С возрастом, продвинувшись по служебной лестнице, отправлял уже он. В принципе, кто кого отправляет – не важно. Главное, чтобы ни у кого не возникло и тени сомнения, что кто-то должен отправлять, а кто-то лезть в зловонную жижу, закрывая образовавшуюся течь собственным телом. У Лаборанта, похоже, таких сомнений не возникало. Он сразу и безоговорочно признал лидерство «Того, который сказал: здесь!», подавая пример остальным.

Вот почему, несмотря на приобретенную неприязнь к микробиологии, «Тот, который сказал: здесь!» все-таки ответил Лаборанту:

– У нас много женщин. Они плохо работают. Но проблема в другом. У подводников женщин нет. И когда-нибудь на этой почве возникнет конфликт.

Откровенно говоря, связи между женщинами авиаторов и возможным конфликтом с подводниками Лаборант не усматривал. В двадцать пять лет он был всецело поглощен наукой, а половое влечение легко удовлетворял за счет ночных поллюций. Причем он не был уверен, что его поллюции соотносились с какими-то эротическими сновидениями, в которых присутствовали женщины. Может быть, это выходила наружу эйфория по поводу удачного дневного опыта или похвалы от руководителя лаборатории. У него были всего две знакомые женщины. Первая – мать. Вторая – коллега по лаборатории, тридцатилетняя худющая дамочка, одержимая лаврами Мари Кюри. Как и для Лаборанта, кроме науки, для нее никого и ничего не существовало, а потому им было очень легко не воспринимать друг друга по половому признаку.

Но в отсутствие лаборатории и возможности заниматься наукой Лаборанту ничего не оставалось, как на веру воспринимать слова «Того, который сказал: здесь!». Этот человек в буквальном смысле хлебнул в жизни дерьма полной ложкой и, наверно, разобрался в премудростях залабораторной жизни, о которой Лаборант имел смутное представление.

– Надо разбиться на пары, – добавил «Тот, который сказал: здесь!». – Это сплотит людей и в минуту опасности заставит их защищать себя со всей силой собственника. Женщин нам отдавать нельзя. Это единственный смысл выживания.

– А если кому-то не достанется пары? – робко спросил Лаборант, втайне лелея надежду, что пары не достанется именно ему.

– Значит, кто-то будет жить втроем или вчетвером, – сказал как отрезал «Тот, который сказал: здесь!».

Такой вариант Лаборанта устраивал. Среди двоих или троих мужчин он мог легко скрыть свое непонимание обозначенного «Тем, который сказал: здесь!» смысла выживания. Вечером того же дня на традиционном итоговом собрании «Тот, который сказал: здесь!» посоветовал всем внимательно присмотреться друг к другу.

– Времени у нас не так уж и много, – как гвозди вколачивал он аргументы во всеобщее недоумение. – К сожалению, мы не одни на этом острове, и подводников нашими друзьями никак не назовешь. Мы как бы два человечества, которым необходимо пройти свой путь с нуля. И те из нас, которые как можно быстрее минуют начальные стадии развития, будут иметь больше шансов на основание новой цивилизации. Даю вам неделю на размышления. Пообщайтесь друг с другом, не стесняйтесь откровенных тем. Все должно быть по взаимному согласию. Никакого насилия или принуждения.

Несмотря на железную аргументацию «Того, который сказал: здесь!», его рекомендации авиаторы восприняли неоднозначно. Мужчины, в принципе, не возражали. Особенно бизнесмены, которые выглядели как-то потерянно. С женщинами оказалось сложнее. Две полярные точки зрения отражали пожилая учительница химии и толстая домохозяйка, потерявшая в авиакатастрофе мужа. «Химия» утверждала, что сводить отношения между полами к вынужденной необходимости безнравственно. «Толстуха» говорила, что женщине необходим гормональный баланс, а без специальных медикаментов поддерживать его можно только с помощью мужчин. Их недельный спор почти не приближался к заявленной «Тем, который сказал: здесь!» цели спаривания, но «Тот, который сказал: здесь!» не вмешивался в дискуссию.

Остальные женщины на всякий случай поддерживали обе спорящие стороны, но всю неделю исподволь присматривались к потенциальным партнерам. Как-то так негласно утвердилось, что выбор должны сделать именно женщины. Нужно заметить, что это обстоятельство весьма благотворно повлияло на поведение мужчин, косвенно подтвердив верность принятого «Тем, который сказал: здесь!» решения. Даже потерянные бизнесмены в эти дни старались выглядеть стройней, подтянутой, галантней и сильней. Внешние изменения не коснулись только «Того, который сказал: здесь!» и Лаборанта. Лаборант не очень-то и стремился к созданию полноценной ячейки общества, а «Тот, который сказал: здесь!» в косметическом ремонте не нуждался. Он и без того выглядел сильнее всех. Настолько сильнее, что на него, кажется, никто и не претендовал. И, наверно, напрасно.

Если бы «Тот, который сказал: здесь!» не умел прятать свои чувства, то многие заметили бы в его глазах грусть, когда очередным вечером какая-нибудь вновь образовавшаяся парочка удалялась от общих жилищ вверх по склону горы, где за огромными валунами приходила к необходимому политическому консенсусу. К концу назначенной недели свободных женщин в лагере почти не осталось. Не сумели найти себе пары только Химия и хорошенькая рыженькая девушка из Австралии. Химия по-прежнему стояла на безнравственности задуманного, а Рыжая утверждала, что любит своего мужа, к которому она, собственно, и летела, и в новых отношениях не нуждается.

На итоговом собрании «Тот, который сказал: здесь!» оглядел ряды образовавшихся пар и повернулся к мужчинам, которых никто не выбрал. Их оставалось всего пятеро, включая Лаборанта и исключая «Того, который сказал: здесь!». Положа руку на сердце, «Тот, который сказал: здесь!» подумал, что и сам вряд ли выбрал бы этих неудачников, будь он женщиной. Одни – уроды, каких еще поискать, другие – заклеянные материнской опекой маменькины сынки. Под жестким взглядом «Того, который сказал: здесь!» они выглядели еще ущербнее.

– Кто может взять кого-либо из этих мужчин в свою семью? – громко спросил «Тот, который сказал: здесь!».

– Скотство! – прошипела Химия.

– Вы девственница, мадам? – неожиданно повернулся к ней «Тот, который сказал: здесь!»

– Какое это имеет значение? – покраснела Химия.

– Большое, – спокойно ответил «Тот, который сказал: здесь!». – Ваши комплексы разоб-
щают коллектив. А в одиночку нам не выжить.

– Девственница, – хихикнула Толстуха и тут же вызывающе добавила: – Мы можем взять
еще одного. Или даже двух!

Ее партнер – какой-то финансист из Германии – удивленно вскинул брови.

– Можем! – грозно посмотрела на него Толстуха, и финансист понуро опустил голову.

– Очень хорошо. Остаются еще трое, – узаконил решение Толстухи «Тот, который сказал:
здесь!». – Но! У нас есть одна свободная девушка!

Все посмотрели на Рыжую, и она покраснела еще гуще, чем Химия.

– Я не хочу... – прошептала она.

– Это необходимость, – начал «Тот, который сказал: здесь!», но в это мгновение они
встретились глазами, и он осекся.

«Господи, какая же она красивая», – подумал «Тот, который сказал: здесь!». И как он
раньше не замечал этой красоты: большие глаза неопределенного цвета – то ли зеленые, то ли
коричневые, прямой аккуратный носик с небольшой горбинкой, ровные белые зубки, чуть
припухлые губки и эти почти детские рыжие завитушки на висках. Сколько же ей лет? Два-
дцать шесть, двадцать семь максимум. Ему тоже следовало побеспокоиться о семье в эти дни.
Но он же намного старше нее. Да и в придуманную им оборонную стратегию эта лапочка никак
не вписывалась – с такой нельзя по необходимости, такую нужно любить...

Она отвела взгляд, и «Тот, который сказал: здесь!» с трудом очнулся от охватившего
его оцепенения. Авиаторы смотрели на него в озадаченном ожидании. Ему не следует впадать
в такую задумчивость, если он хочет остаться лидером. И нельзя противоречить собственным
решениям. Он снова окинул взглядом ряды холостых неудачников.

– Ты, – ткнул он пальцем в Лаборанта. – Ты составишь ей пару.

Это было единственное, что он мог сделать для Рыжей.

– Я?! – страшно удивился Лаборант, но возразить что-либо по существу не нашелся.

– Ну а вас пристроим со временем, – добавил «Тот, который сказал: здесь!» оставшимся
холостякам».

Глава первая

Ну что сказать про ту ночь? Он помнил ее до мельчайших подробностей... Нет, не так... Банальщина какая-то... В общем, веселья не хотелось. Болела голова. Нужно было раздробить эту боль хаусом и водкой с вишневым соком. Только так ему удавалось уснуть ранним утром последние полгода. На улице накрапывал дождь, а возле последнего притона веселья тусовалась небольшая очередь лузеров. Его лично здесь лузером еще не считали. Он много пил, но не доставлял хлопот охране, поскольку умел вовремя остановиться и самостоятельно выбраться наружу. Поэтому его всегда пропускали. В ту ночь он также попал внутрь без проблем и тут же прошел к барной стойке.

Было около двух часов. Самый пик. Он с трудом пробрался через толпу в заветный уголок, откуда можно наблюдать за танцующими, потягивая через соломинку незамысловатый коктейль, и, еще не успев сделать заказ, увидел ее. Что-то в лице этой девушки показалось ему знакомым, но рассмотреть ее лучше не представлялось возможным – их разделял угол бара и полыхающий сваркой полумрак ночного клуба. Более ничем особенным на таком расстоянии она его не поразила. Однако же, окинув взглядом физиономии нависших над стойкой людей, он опять вернулся к ней. Наблюдать за девушкой оказалось удобней, чем за остальными, и, удерживая за собой отвоеванное у толпы место за стойкой, он успел рассмотреть ее до мелочей.

На девушке было цветастое платье на ляпочках, классической длины – чуть выше колен. На фоне девочек в кожаных шортиках и почти ночных сорочках она выглядела несколько старомодно. Старомодными показались ему и ее танцы с ленивым подтоптыванием в такт хаусу и гоа-трансу. Танцевала она прямо у стойки бара, лишь иногда делая шаг назад, чтобы на секунду исчезнуть из поля его зрения за зеркальным столбом. Ее нежелание раствориться в танцующей толпе было связано, конечно, не с ним. Она находилась здесь не одна, а в сопровождении двух подруг, словно примерзших к бару вместе с открытой бутылкой шампанского. Время от времени они втроем чокались высокими бокалами и выпивали, а он с каким-то щеко-чущим предчувствием отмечал про себя, что и кажущаяся старомодность девушки, и ее поведение, как это ни странно, чем-то неудержимо влекут к себе.

Он традиционно не спешил. Во-первых, ждал, когда количество алкоголя в его крови достигнет необходимой для нормального желания концентрации. Во-вторых, хотел убедиться, что этот вариант действительно сегодня лучший. Его не отпугивало, что, перебирая варианты, он может и не познакомиться с девушкой. Так бывало неоднократно, но до сих пор по утрам он не загружался чувством потери. Каждый раз, определяя для себя подобный разовый вариант отношений, он начинал копать в изъянах внешности будущей жертвы. В девушке напротив он изъянов не находил. Разве что чуть покатые плечи. Ну и возраст – наверно, в районе двадцати пяти лет. Для здешнего женского контингента, едва дотягивающего до двадцатилетнего порога, это серьезная конкурентная уступка.

Но зато ее лицо в обрамлении прямых, светлых с рыжинкой волос ни в какое сравнение не шло с этими лубочными портретиками ночной тусовки. Оно единственное казалось здесь живым, исполненным уверенной в себе, но не кричащей красоты. Еще ему очень хотелось взглянуть на ее попу. Для целостности образа попа являлась необходимой деталью. Примерно через час такая возможность ему представилась. Возле бара стало свободнее, и можно было отлучаться, не опасаясь, что вновь придется отвоевывать плацдарм для стакана с водкой и соком. И он отлучался: поднимался на второй этаж, чтобы разглядеть ее сверху, прятался за зеркальными столбами, наблюдая за ней сбоку, – с попой у девушки оказалось все в порядке.

Во время коротких обзорных экскурсий он понял, что девушка его тоже заметила. Когда он исчезал, она живо оглядывалась по сторонам, а когда возвращался – быстро зафиксировав взглядом его присутствие, вновь беспечно общалась с подругами, выпивала и изредка танце-

вала. Позже она призналась ему, что наблюдала за ним с того момента, как он появился. Если она говорила правду, то наблюдать за ним получалось у нее очень искусно. Ему долго казалось, что их взгляды встречаются совершенно случайно. Ближе к четырем часам утра он даже начал волноваться, что в такой же случайной попытке обменяться с ней взглядами он уже не застанет ее на месте. И тогда он решил действовать. Дождавшись момента, когда одна из подруг девушки куда-то отлучилась, он «подкрался» к оставшимся двум сзади и уже собирался было окликнуть рыжую, чтобы познакомиться, как вдруг какой-то пьяный хмырь опередил его и, припав локтем на стойку, начал клеить сразу обеих. С досады он чуть не прикусил себе язык и, чтобы не выглядеть глупо, крикнул знакомому бармену:

– Саша! Повтори!

Услышал не Саша, а она. И обернулась.

– А вот с этим парнем я бы познакомилась! – весело сказала она словно в продолжение разговора с приставшим к ней пьяным хмырем.

– Молодой человек! – немедленно тронула его за руку подруга девушки – полная, такая же веселая, но явно переборщившая с косметикой. – С вами хотят познакомиться!

– Кто? – улыбнулся он, как будто оказался здесь совершенно случайно и ничего не слышал.

– Моя подруга! – перекрикивая грохот музыки, сообщила толстушка.

Он слегка картинно повернулся к рыжей, и, уже не прячась, они посмотрели друг другу в глаза.

– С удовольствием, – не выдержав и двух секунд паузы, согласился он.

Тогда у них еще были имена, но уже через полчаса разговора с ней он догадывался, что очень скоро их настоящие имена растворятся в новых отношениях, где есть только позывные, известные и понятные лишь двум людям. Конечно, это случилось не сразу. И даже не в ту ночь или утро, когда, не разочаровывая его, она наотрез отказалась поехать к нему. Но поскольку это все-таки случилось, то Лапочкой и Бобби Старшим они стали именно тогда, когда, отколовшись от всех, уединились за освободившимся столиком ночного клуба и говорили обо всем разом, словно метили словами огромную территорию любви, которую им еще только предстояло завоевать...

Стоп! Опять не то. Слишком мармеладно, обычно и логично получается – и стали они жить-поживать и добра наживать. Но при таком раскладе ему нечем объяснить все, что произошло дальше. Значит, все происходило не так, как он отчетливо помнил. Да и отчетливо ли? Например, голова – она у него вовсе не болела. И этот клуб – он не посещал его две недели, а выпивал дома по ночам. Остается водка с вишневым соком. Вот это правда. Вишневый сок – его личное изобретение. Как-то получилось однажды, что в холодильнике не оказалось апельсинового сока, и он заменил его вишневым. Полученная смесь показалась ему вкусней привычной. Но разве он злоупотреблял? Ни в коем случае. Он не мог себе позволить злоупотребления. Днем необходимо быть в форме – садиться за руль и встречаться с людьми. Стаканчик-другой в три часа ночи – и на боковую. Подъем в восемь утра, остальное досыпал днем – вот, собственно, и разгадка его ночных бдений. Попробуй усни, если выспался днем.

Остается разобраться с первой встречей. И здесь сплошное вранье. Он запал на нее с первого взгляда. А это старомодное платье и танцы возникли уже потом, как слабые попытки сформировать защитные порядки утраченной воли. В первые часы были только ее глаза и ниточка прозрачных бусинок справа на светлых, рыжеватых волосах. И этого пьяного хмыря он едва не раздавил плечом, когда тот попытался встать между ними. И за столом позже они сидели не вдвоем, а вместе с ее полной подругой, из-за которой она, в общем-то, и не поехала к нему. Хотя очень хотела. Он видел это, и тоже очень хотел, и на самом деле был сильно разочарован. Нет, не ее отказом, а уже тогда зародившимся ощущением потери отпущенного им драгоценного времени. Все было предопределено. Чего уж тут лукавить. Ведь он действительно

не посещал этот клуб две недели, а она только вчера приехала в город из другой страны. Господи, Голландия!..

* * *

Проснувшись днем, он сразу вспомнил, что обещал ей поездку на море. Это уже было странно. Не его обещание, а то, что он о нем вспомнил. Он походил по комнате, сварил кофе, выпил его у окна, за которым словно нарочно стояла отличная погода. Только эта погода и оживляла унылую картину кирпичных гаражей за окном. Изю дня в день жизнь приветствовала его этими белыми кирпичами, и только сейчас он вдруг подумал, что ничего убивающего монотонной тоской в них как бы и нет. Даже если бы сегодня шел дождь, рисуя мокрыми разводами на стенах гаражей гениальные картины даунов. Но сегодня не просто нет дождя – солнце нагло протискивается в комнату между неплотно прикрытыми шторами, охотясь за невидимыми отверстиями уже в его груди, чтобы, проникнув в них, свернуться там щекотливым волнительным клубочком.

Это так здорово! Непонятно, неведомо, но так приятно, что кушать не хочется. Он опять сварил кофе и посмотрел на часы. Время отмеряло третий час пополудни, когда он наконец созрел. Но едва он взял в руки мобильный телефон, как аппарат тут же пискнул в его руке полученным сообщением:

«Hi! How are you? What time will I see you? Lapochka;)»

Лапочка? Ну как же, вчера он сказал, что ее имя ей не подходит. Она призналась, что и сама не любит собственное имя. Тогда он сказал, что знает, какое имя ей подойдет. И назвал ее Лапочкой. Она улыбнулась. Он тоже. Но он готов продолжить игру. Интересно, помнит ли она разговор про собак. У ее свекрови живет семилетний мопс. Собаку подарил Лапочке на день рождения ее муж. Муж! Ладно, вчера это было неважно, не очень коробит и сегодня. Что с собакой? Пса она обожает. Его зовут Бобби. Песик так уютно лежит на ее коленях, когда она приходит к свекрови в гости. И он сказал, что хотел бы побывать на месте Бобби. Бобби Старшим. Она рассмеялась. Потом он пригласил ее на медленный танец и провел рукой по ее бедру, нащупывая трусики. Она сжала его руку и сказала:

– Бобби Старший, так делать нельзя. Накажу...

Он набрал на телефоне ее номер.

– Аллю...

– Привет, Лапочка. Это Бобби Старший, если помнишь такого...

– Конечно, помню. А еще помню, что Бобби Старший обещал сегодня морскую прогулку...

Такой приятный голос! Голос очень важен. Для него. Голосом можно обманывать и защищаться. В обоих случаях он кажется неестественным. Голландская Лапочка была естественной, и, хотя он чувствовал себя виноватым, ему едва удалось сдержаться от радостного вскрика:

– Не получилось! Извини, Лапочка – проспал! Но я могу исправить свою оплошность ужином у моря! В прибрежном ресторанчике! Поужинаем, а заодно пообщаемся без посредников в лице твоих подруг!

– Ужин? – переспросила она. – Это хорошо. Если честно, очень хочется кушать.

– Так, может, не стоит откладывать и я заеду за тобой прямо сейчас? – все еще на радостной инерции крикнул он.

– Давай. Я живу...

Она продиктовала свой адрес. Это было где-то за городом, но расстояния его не пугали. Он немедленно принялся собираться. Джинсы, рубашка – все должно быть идеально чистым

и отглаженным. Запах – он побрился и надушился. Еще пара-тройка загадочных выражений лица для форсу – их он наспех потренировал уже перед уходом, заглядывая боком в зеркальные двери огромного шкафа, когда несколько раз возвращался в квартиру – сначала за ключами от машины, потом за документами и, наконец, за деньгами. Так начинался второй день их знакомства, который он помнил не менее отчетливо, чем предыдущую ночь...

* * *

Однако если опять же соразмерять тот день с грядущей очумелой волной, то, наверно, о нем можно было рассказать совсем по-другому. Он вообще-то почти и не спал. Ее лицо, как вживленный в память чип, не покидало его воображение, мешая заснуть повышенным давлением. А еще он думал, что напрасно обманул ее и сказал, что ему тридцать два года. Он привык говорить неправду и соврал ей машинально. Как будто это что-то значило для нее. Впрочем, он сказал ей неправду не в привязке к сиюминутному значению. Исключительно интуитивно он врал на будущее, потому что был уверен, что они обязательно встретятся еще раз. Но когда встреча уже стала неизбежной, он пожалел о своем обмане – знал, что и эта встреча не будет последней.

В этих предчувствиях и сомнениях он провел несколько часов, назвав их для самоуспокоения полудремой. А вот после – да, был ее настоящий негромкий голос, поразивший его открытостью. И был этот ужин у моря, во время которого они оба немного стеснялись. Он не знал, как вести себя на второй день знакомства. Ее, как ему показалось, несколько сдерживал замужний статус. В результате почти весь вечер прошел в разговорах о ее семье. Сначала он думал, что она проверяет его, но потом понял, что для нее это действительно важно. Особенно сын. С мужем как-то изначально все выглядело туманно. Хороший парень Сережа, умный и талантливый, любит ее и сына. Он у нее первый, она у него единственная. Все как бы в шоколаде, но без огонька. Это он ощутил.

Но проверить ощущения не мог – все еще только сплеталось в цветочную завязь. И хотя уже проскакивали ее смущенные «что?», если он задерживался на ней взглядом больше положенного, и было заметно, что она немного робеет, а его руки подрагивали, когда он подносил зажигалку к ее сигарете – он боялся разрушить эту хрупкую конструкцию неосторожным словом или действием. Она выжидала, он едва заметными шажками скрадывал ее личное пространство. Со стороны это походило на игру, но он вел серьезную охоту, еще не понимая, что жертвой в случае успеха может оказаться он сам. Впрочем, к его гордости, ей иногда не удавалось скрыть испуг. Значит, для нее также все было очень серьезно. И хотя она с удовольствием скушала какой-то японский супчик, а он почти не притронулся к еде, из ресторана Бобби Старший выходил уже уверенный в собственных силах.

Оставалось только задать главный вопрос. Но тут начался сильный ливень, и они укрылись в его машине. Десять минут на проливной дождь, пятнадцать – на возвращение домой – времени оставалось достаточно. Он медлил, она уже откровенно покусывала губки. Через дорогу прыгали лягушки, очумевшие от неожиданного мокрого счастья после жаркого дня. Он пытался таким же шутовским прыжком перескочить трудные слова, но она не приняла этот тон и мягко, но без вариантов ответила: нет.

– Не сегодня, – добавила она поспешно, заметив, как он изменился в лице. – Я так не могу...

Он не настаивал, на ощупь выбирая беспроигрышную тактику. Как и договаривались, отвез ее домой. И почти тут же, вырвав в молочный туман большой дороги, был выхвачен из едва начавшегося погружения в себя ее торопливым звонком.

– Ты не обиделся?

– Нет, Лапочка.

– Я очень хотела бы поехать к тебе, но у меня характер такой: есть бзики, которые для меня принципиальны...

– Только после свадьбы? – пошутил он.

– Я уже замужем.

– Шучу, я все понимаю. Но не думал, что мне придется возвращаться в этом тумане одному...

– Прости...

– Кстати, тут реально в пяти метрах ничего не видно. Если со мной что-то случится и ты услышишь об этом в сводках новостей, знай, что ты мне очень понравилась.

– Ты мне тоже очень понравился.

– Правда?

– Я никогда не говорю о чувствах, которые не испытываю.

– Никогда?

– Да. Я ведь замужем...

– Зачем ты это подчеркиваешь? Меня это не пугает.

– Я не для того, чтобы напугать... Просто я никогда не ложусь в постель только ради секса...

– Кажется, опять понимаю...

Они проговорили больше часа. Не отрывая трубку от уха, он поставил машину на стоянку, открыл ключом замок квартиры, помыл ноги, вскипятил себе чай, даже успел выпить его и завалился на кровать. Оказывается, за ужином они не сказали друг другу и четверти того, что хотели сказать изначально. И даже когда она пожелала ему спокойной ночи, а он вытер носовым платком запотевший мобильник, Бобби Старший был уверен, что они еще только впервые, по-настоящему поздоровались, прежде чем приступить к приятной долгой беседе.

Глава вторая

- Насколько далеко вы были от этого раньше?
- От вас или от того, чем вы занимаетесь?
- Мне импонирует ваше чувство юмора, но в данном случае я расцениваю его как проявление защитной реакции. Неуместной, к сожалению. Вам нужно определиться – действительно ли вы нуждаетесь в помощи психоаналитика? Я вас ни к чему не принуждаю. Вы сами пришли ко мне и вольны уйти в любой момент. Но мы можем провести это время либо с пользой для вас, либо в бесполезных разгадках юмористических шарад, что ни на йоту не приблизит нас к решению ваших проблем.
- Извините... Я просто еще не могу поверить, что решился на это...
- Хорошо, забыли. Давайте начнем с начала.
- Вы имеете в виду это дело, о котором я вам сообщил?
- Если вы считаете, что все началось именно с него, то расскажите о нем подробно.
- Подробно... Странное чувство, доктор. Я всю жизнь сам задавал вопросы, а когда впервые приходится отвечать на них, не могу сосредоточиться...
- Я помогу вам. Это был обычный рабочий день. Вы перебирали папки с нераскрытыми уголовными делами, и вдруг вас что-то заинтересовало...
- Да нет, что вы. У нас это немного по-другому происходит. Мне просто позвонили и сказали: по такому-то адресу обнаружены два трупа. Один труп с признаками насильственной смерти, причины смерти второго человека пока устанавливаются. По результатам первичного осмотра судмедэксперты установили, что оба были изнасилованы перед смертью.
- Женщины?
- Одна женщина, второй – мужчина.
- Понятно. Разбойное нападение. Возможно, бывшие уголовники, которым захотелось надругаться над беззащитными жертвами.
- Я тоже сначала так подумал. Но все оказалось намного сложнее... Намного сложнее...

* * *

Следователю Николаеву редко везло с простыми делами. Наверно, из-за его упрямства, с которым он вгрызался в любое дело. Или из-за нелюбви начальства, намеренно или по укоренившейся традиции подкидывавшего в топку его упрямства самые сложные расследования. В принципе, он над подобной «дискриминацией» почти не задумывался. Разве что когда последним в «конторе» сдавал на выходе ключ от служебного кабинета и замечал сочувствующий взгляд дежурного милиционера. Правда, Николаев не считал, что нуждался в каком-либо сочувствии. Это его работа. Такая же, как у какого-нибудь нефтяного олигарха, облетающего на личном вертолете свои вышки. Олигарху ведь никто не сочувствует. В отличие от олигарха у Николаева даже есть определенные преимущества. Его никогда не посадят, если он, конечно, не сойдет с ума и не наделает каких-нибудь глупостей.

Но он их никогда не наделает. Он очень рационален и знает свое место. Он настолько рационален, что даже несколько разочарован предложенным ему последним расследованием: два изнасилованных трупа. Картина преступления очевидна. Разбойное нападение. Необходимо сделать тщательное описание места происшествия и опросить стукачей района на предмет появления в округе беспредельщиков. Через неделю – максимум – дело можно будет закрывать. Так думал он, отправляясь по указанному адресу и почти не отвлекаясь мыслями от другого своего дела, расследование которого подходило к концу. Вот здесь действительно

пришлось попотеть. Молодая содержанка солидного бизнесмена заказала убийство гражданского мужа. Выйти на нее оказалось непросто. Все-таки они успели нажать общего ребенка. Заказать отца собственного ребенка – это что-то из иррационального. Время, что ли, такое...

В квартире еще работали оперативники.

– Николаев, – показал он им свое удостоверение и с неудовольствием отметил, что в квартире изрядно натоптано.

– В общем, супернагло получается, – сказал ему еще в коридоре худой парень в штатском. Наверно, тоже из «дотошных», поскольку выглядел очень устало.

– Что именно? – оглядываясь по сторонам, спросил Николаев.

– Возле трупа мужчины обнаружен использованный презерватив, а на животе женщины – засохшие пятна спермы. Как будто вызов нам бросают. Столько улик – и попробуй догони.

– Догоним, – машинально сказал Николаев и прошел в комнату. Здесь находился первый труп, застывший клубком на раскладном диване и прикрытый простыней.

– Откройте, – попросил он оперативников.

Кто-то откинул простыню, и вниманию Николаева предстал голый мужчина. Он лежал на боку, подтянув колени к животу в очень удобной для сна позе. Со своего места Николаев не видел лица покойника, и ему пришлось сделать несколько шагов в сторону. Странно, но это лицо не казалось чем-то напуганным или искаженным болью. Да и на теле не было видно каких-либо повреждений.

– Как он умер? – удивленно спросил Николаев.

– Да вот мы тоже задаемся этим вопросом, – тут же отозвался худой оперативник. – Никаких следов, кроме полового контакта. Надо будет подождать результатов медэкспертизы. На девушку не хотите взглянуть?

– Хочу.

Николаева провели во вторую комнату. Девушка лежала на широкой двуспальной кровати, также абсолютно голая, но как будто в гробу – правда, с ладонями, прикрывающими лобок, а не грудь.

– Это вы ее так положили? – опять удивился Николаев.

– Обижаете. Все лежит, извиняюсь за каламбур, на своих местах.

«Странно», – хотел сказать Николаев, но промолчал, зачарованный представившимся зрелищем. Девушка была необычайно красивой: аккуратный носик с небольшой горбинкой, чуть припухлые губки, светлые волосы с прилепившейся справа ниточкой прозрачных бусинок и детские рыжие завитушки на висках. Смерть почти не коснулась ее лица и тела, напоминая о себе только синими пятнами на шее. Невольно рассматривая ее длинные ноги, плоский животик и наверняка уже окаменевшие соски небольших грудей, Николаев, к своему ужасу, обнаружил, что начинает испытывать эрекцию. Покраснев, как в начале апоплексического удара, он поспешно отвернулся.

– Так, – обратился он к худому, чтобы хоть как-то отвлечься от запретных эмоций. – Теперь по порядку: кто, что, когда.

– Трупы обнаружила хозяйка квартиры сегодня утром, – с готовностью принялся докладывать худой. – Эта парочка снимает... то есть снимала у нее жилье полгода. Приезжие. У обоих владивостокская регистрация, но мы нашли заграничный паспорт девушки. Так вот, у нее проставлена действующая виза Голландии, причем неоднократно продлевавшаяся...

– Наркокурьеры? – автоматически среагировал Николаев.

– Не думаю. За полгода они ни разу никуда не отлучались. Во всяком случае, так утверждают соседи. Хозяйка говорит, что была довольна своими жильцами. Жалоб на них не поступало, платили за квартиру исправно. Она очень удивилась, что они не открыли ей сегодня дверь, и ей пришлось воспользоваться собственным ключом...

– Дверь была закрыта?

– В том-то и дело, что да. Конечно, бандиты могли ее просто захлопнуть при уходе, но в квартиру-то, получается, их впустили добровольно...

– Ну, это объяснимо, – почесал переносицу Николаев. – Подстерегли на лестничной площадке, дождались, когда откроют дверь и впахнули внутрь...

– Может быть. Но для подготовки такого плана нужно обладать конкретной информацией о наличии в квартире каких-либо ценностей. Однако хозяйка утверждает, что особых ценностей у квартирантов не видела. Да и ее вещи остались нетронутыми – телевизор, например. Кроме того, незаметно, чтобы в квартире что-то искали или хотя бы сопротивлялись нападению. И еще, по предварительным выводам судмедэкспертов, мужчина умер как минимум на сутки позже женщины.

– Руки-ноги сломаны, не мог подняться, – как бы для себя расставлял вслух объяснения Николаев.

– Допускаем. Через полчаса увезем трупы на экспертизу, – продолжал худой. – Однако следов побоев на его теле, как вы видели, нет. Еще одна странность: насильники использовали презерватив. Не совсем характерно для насилия. Ну и, наконец, вот это...

Худой протянул Николаеву толстую общую тетрадь.

– Что это?

– Хрен его знает.

– Без выражений, пожалуйста, – поморщился Николаев.

– Извините. Похоже на дневник, но там какая-то абракадабра...

Николаев открыл тетрадь. На первой странице было всего одно слово: «ГАРМОНИЯ».

– «Сложно объяснить, как это случилось. Возле последнего необитаемого острова Земли столкнулись подводная лодка и самолет», – прочитал он вслух на второй странице.

– Бред, – пожал плечами худой. – Но любопытно не это, а то, что запись на последней странице сделана примерно сутки назад, то есть за час-полтора до смерти мужчины, а тетрадь лежала рядом с ним.

Николаев открыл последнюю страницу.

«...И будешь скулить над раздавленным приплодом и думать: неужели эта игра до сих пор забавляет того, кто все когда-то начинал?..» – прочитал он уже про себя.

– То есть получается, что за полтора часа до смерти он размышлял о смысле жизни, а не о нападении? – полуспросил Николаев.

– Получается, что так.

– Но ведь нападение было. Не мог же он сам себя изнасиловать...

– Нападение было. Но все как-то очень странно. Если они впустили в квартиру знакомых людей, то получается, что эти знакомые тупо ждали, когда он испустит дух, да еще позволяли ему делать последние записи.

– Секта, любовный треугольник, долги... – кусая губы, перечислял Николаев, начиная загораться трудностью предстоящего расследования.

– Хрен его знает, – отозвался худой. – Извините... Насчет секты, кстати. Холодильник на кухне...

– Тоже умер? – пошутил Николаев.

– Нет, – улыбнулся худой. – Он почему-то забит яйцами.

– Чьими яйцами?

– Куриными вроде.

– И что из этого?

– Не знаю. Просто их много – штук сто, не меньше.

– Зачем им столько яиц?..

– Теперь уже не узнать.

Николаев огляделся. Аккуратная квартирка. Уютные розово-голубые тона. Никаких следов беспорядка или борьбы. Он опять вернулся в зал, чтобы взглянуть на труп мужчины.

– Что у него в руке? – показал он на кусочек чего-то белого в левом кулаке покойного.

– Упс, – выдвинулся вперед худой и склонился над трупом. Лопатки на его спине разошлись и сошлись в серьезном усилии. – Обезьянка, – ухмыльнулся худой, поворачиваясь к Николаеву и протягивая ему маленькую мягкую игрушку.

Николаев принял обезьянку и, повертев ее в руках, задумался.

– Значит, так, – сказал он после долгой паузы. – Бог с ними, с яйцами и обезьянкой. Трупы на экспертизу, заключение завтра ко мне. Мне нужны также протоколы допросов соседей и хозяйки квартиры. Как ваша фамилия? – обратился он к худому.

– Лунин.

– Я вас не помню.

– Первый месяц работаю. Перевелся с Юго-Запада.

– Хорошо, будете работать со мной по этому делу. Я договорюсь. Пробеите через МИД, чем девушка занималась в Голландии. Выясните через владивостокских коллег о прошлом обоих. Пока все. Да, тетрадь отправьте на почерковедческую экспертизу. Пусть сверят с подписью в паспорте. В общем, поработаем над тем, что есть, а там посмотрим, – и Николаев сунул игрушку в карман.

* * *

– Постарайтесь вспомнить: ваша эрекция соотносилась с образом девушки, как если бы она была живой или, извините, с трупом?

– Господи! Ну конечно, с живой! По-вашему, я похож на извращенца?!

– Нет, что вы. Мне просто необходимо составить полный психологический портрет клиента. И я обязан задавать подобного рода вопросы, хотя прекрасно понимаю, что у вас нет необратимых перверсий, если вы сами, без понуждения упоминаете о таких деталях.

– Это получилось машинально...

– Понимаю. И это тоже очень важно.

– Но это не относится к сути дела. Это только мои ощущения, а речь идет об отношениях между другими людьми.

– А вот тут вы не правы. На первом месте в этой истории именно ваши ощущения. Это странное дело лишь спровоцировало их пробуждение и определенную трансформацию в сознании, что и привело вас ко мне. Я хочу сказать, что вы давно жили с этим. И благо, что вы нашли в себе мужество обратиться за помощью на ранней стадии, не доводя свои размышления до болезненной фобии. Я могу с полной уверенностью сказать, что вы не больны. Но вам необходимо разобраться с накопившимися в вашей жизни проблемами, с тем чтобы спокойно и уверенно двигаться дальше. Поэтому продолжайте. Я вас внимательно слушаю.

Глава третья

И он опять почти не спал, а утром вспомнил, что практически не прикасается к пище двое суток. Организм не бунтовал. Организм все понимал и соглашался на сигареты. Организм знал, что наступает самый ответственный момент, и его физиологические порывы в решающие моменты могут все испортить. А еще организм, так же как и Бобби Старший, истосковался по ласковым женским рукам и пахнущим парфюмом волосам, в которые так приятно зарываться носом. И женской груди с крупными или не очень сосками, такими сладкими на вкус, что инфантильность момента заставляет дрожать каждую клетку организма ожиданием еще только предстоящих открытий. И женским ножкам, и тому, что находится между ними, как последней скрижали признания организма, достойным наивысшего наслаждения за свое терпение и стоицизм.

Но она пришла и обидела организм. Он был уверен в победе, а она сказала, что в первую ночь никогда!

– Но это же глупо! – воскликнул он.

– Извини...

Он пытался доказать ей нелепость происходящего с фантастической изобретательностью, и даже весьма преуспел в этом направлении, уже отбросив ее трусики на середину комнаты. Но он явно недооценил ее принципиальность и искусство владения женским набором психологического оружия для самообороны.

– Андрей! – рубанула она его тяжелой палицей чужого имени в тот момент, когда он уже взметнулся над ней в последней атаке перед сокрушительной победой. И Бобби Старший свалился рядом с собственным мгновенно утратившим боевую мощь организмом, глотая воздух беззвучным разочарованием.

Она долго извинялась, гладила его по груди, уверяла, что не знает, почему назвала его Андреем – у нее даже знакомых нет с таким именем. Но он смирился с поражением и уже не предпринимал попыток организовать новое наступление. Смирение его оказалось настолько искренним, что ничего не произошло и на следующую ночь, когда принципиальность Лапочки была удовлетворена и она всячески выражала свое удовольствие тем, что он прошел испытание. Он стал «хорошим», «таким, каким она его себе и представляла», но, будучи «хорошим», он напорох утратил мужские кондиции.

Шесть часов подряд, с небольшими перерывами на перекур и кофе, он мучил себя и ее бесплодными усилиями нанести на их отношения последний, а точнее, первый плотский штрих. Все было напрасно. Организм, оскорбленный в своих лучших побуждениях накануне, не слушал никаких увещаний. Он слушал только себя, некстати напоминая, что уже третий день хочет кушать, что никогда так много не курил и что не видит смысла во что бы то ни стало сделать так, чтоб встало, потому что эта девочка, конечно, класса экстра, но ведь она здесь все равно не останется навсегда. У нее муж, с которым, по ее же словам, она занимается сексом каждый день, потому что это обязательное условие семейной жизни.

«Ты готов к такому пожизненному марафону, Бобби Старший? – спрашивал организм. – Лично я нет. Ты слишком долго ее ждал. Я успел привыкнуть к определенному укладу жизни, когда если уж совсем припрет, то вызываешь проститутку, а остальное время можно расслабленно сидеть задницей в кресле или за рулем автомобиля, кушать на ночь аджику – не чистя зубы, смотреть в час ночи боксерские поединки на НТВ или фильмы на канале «Культура», которые сводят с ума скукотищей 90% аудитории, макать пряники в сгущенное молоко, покрывать толстым слоем крема облепанные ботинки, читать заумные книги без необходимости их обсуждения, потому что не с кем (с ней, кстати, тоже не получится – не ее профиль), не думать о будущем – в нем ничего хорошего не светит, не смазывать подмышки антиперспирантом

после спортзала (подмышки смазывают после душа, а душ принимать лень) и еще много чего делать или не делать так, как ты же, облажавшийся Бобби Старший, меня и приучил.

А еще у нее есть ребенок. И вместе они восемь лет. А ее муж горбатится где-то за голландским бугром на престижной работе за семь тысяч долларов в месяц, и этих денег только-только хватает на более-менее обеспеченную жизнь – приходится себя во многом ограничивать, поэтому она не понимает, отчего ей так завидуют подруги детства и однокурсницы по бухгалтерскому колледжу. И правда, отчего они ей так завидуют? Может, оттого, что муж не дал ей ни одного повода усомниться в его верности, а ребенок знает два языка и она вот-вот получит вид на жительство в сытой Голландии, навсегда отделившись от российского кошмара? Нашли чему завидовать...

Ты кого привел в дом, Бобби Старший?! И кого ты собираешься удивить своим секундным впрыском из семнадцатисантиметрового «брандспойта», скукожившегося сейчас до размеров спичечного коробка, если вчера, настаивая на откровенности (все равно Андрей все обломил), ты выудил из нее информацию о каком-то сумасшедшем торговце подержанными автомобилями, специально накачивавшего себя суперпрепаратами, чтобы уснуть с одревеневшим членом прямо в ней после то ли десятого, то ли двенадцатого полового акта?..»

Утро застало его лежащим на боку, с открытыми глазами. Он смотрел между ее лопаток и чувствовал себя ужасно старым и бедным. Он не знал, что скажет ей, когда она проснется. То есть понятно, что нужно как-то попрощаться, но эти бесконечные минуты, когда она будет приводить себя в порядок, одеваться и ходить по комнате, он может не пережить. Стыд и ненависть к себе убьют его еще до необходимости сказать «доброе утро». Ну а «доброе утро» станет контрольным выстрелом в голову. Он был уверен в этом, и, когда она потянулась, явно просыпаясь, он трусливо повернулся на другой бок. Вообще-то, можно и так: он сделает вид, что спит, а она молча встанет и уйдет. Но она не ушла. Она обняла его сзади и поцеловала в шею.

– Ты спишь? – тихонько спросила она.

– Уже нет.

– Что будем делать сегодня? – как ни в чем не бывало спросила она.

– Мы? – удивился он.

– Ну да.

– Я и ты?

– А здесь есть кто-то еще? – засмеялась она. – Предлагаю вечером сходить в тот клуб, где мы с тобой познакомились. Мне там понравилось. Только мне днем нужно заехать в салон красоты. Хочу сделать прическу, чтобы быть самой красивой и ты смотрел только на меня. Ты меня завезешь?

– Завезу, – оттаивая и поворачиваясь к ней, сказал он в изумлении.

– И заберешь?

– Заберу.

И в этот момент случилось чудо! Не всякие сады Семирамиды, конечно, и не Родосский Колосс, но, учитывая обстоятельства минувшей ночи, через пять минут лихорадочного совкупления в незапомнившейся позе он упал лицом в подушку рядом с ее головой (все-таки он был сверху), вознося про себя благодарственные молитвы всем и всему: родителям, порнографии, организму и притупляющему чувствительность презервативу. Из того, что можно было произнести вслух, не спровоцировав ее недоумение, он сказал только:

– Слава тебе господи!

– Ты о чем? – улыбнувшись, спросила она.

– О своем, – не стал вдаваться он в постыдные для себя подробности. – Ты кончила?

– Ну зачем ты это спросил? – разочарованно столкнула она его с себя.

– А что такое? – удивился он.

– Никогда не задавай такие вопросы женщине сразу после секса, – серьезно попросила она. – Мне еще хорошо, а ты все портишь.

– Запомнил – не буду, – легко согласился он. – Но раз уж я все равно спросил, ответь мне один раз.

– А ты не заметил?

– Нет, если честно. У девушек это происходит по-разному.

– Я же сказала: мне было хорошо.

Он поцеловал ее в губы, она обхватила его шею руками.

– Ты меня в ступор ввела прошлой ночью, – пожурил он ее за полужавтраком-полуобедом.

– Я заметила.

– Может, у тебя еще какие-нибудь бзики есть? Расскажи сразу, чтобы я заранее подготовился, – пошутил он.

– Конечно, есть. Я та еще штучка. Но рассказывать не буду – увидишь. Или не увидишь – смотря как все сложится.

– А как пока складывается?

– Пока все очень хорошо. Меня это даже настораживает.

– Почему?

– Я очень быстро привыкаю к человеку. Еще влюблюсь, не дай бог.

– Влюбись. Очень интересно посмотреть на тебя влюбленную.

– Не хочу. Я замужем, – в который раз повторила она.

– Но хотя бы маленькая симпатия – эдакая уменьшенная копия любви в масштабе один к ста – уже есть?

– К тебе? Конечно. Иначе я бы здесь не оставалась две ночи подряд.

– Слушай, а может, ты вообще у меня поживешь? Сколько тебе до отъезда? Полтора месяца? Оставайся! – автоматом предложил он. – Я один, никого не жду, и тебе не надо будет каждый день таскаться в город по делам из пригорода. Ты же говорила, тебе нужно какие-то документы оформлять, с друзьями и родственниками встречаться...

– Хитренький какой, – безумно красиво улыбнулась она, очевидным образом демонстрируя много большую хитрость в сердечных делах. – Я подумаю...

* * *

Думала она недолго. Оставшись у него после клуба на третью ночь, она пришла к выводу, что часть вещей ей уже необходимо держать у него дома. Все эти повседневные женские штучки – от косметики до чистых трусиков – у такой девушки всегда должны быть под рукой. Они перевезли большую часть ее вещей к нему, но только на четвертый или пятый день совместного проживания его наконец окатило ушатом восторженных эмоций. Неслыханное дело! Он живет не один! Когда она убежала по делам, он с благоговейным восторгом смотрел на расставленные флакончики с духами, губные помады, коробочки с тенями. В ванной комнате, на трубе с горячей водой, сушились ее трусики, в полупустом шкафу из ниоткуда возникли на плечиках всевозможные блузки и кофточки. На кухонной плите в чистых кастрюльках появилась нормальная еда в виде супчиков и тушеных овощей с мясом, а с подоконников исчезла вековая пыль.

Как и когда произошли все эти перемены, он не заметил. Ее проникновение в его жизненное пространство произошло само собой. Проникают ли так незаметно все женщины или такая, как Лапочка, он не знал. Он всегда жил один, а появлявшиеся в его квартире женщины – максимум на сутки – доставляли больше хлопот, чем радости от женского участия в его судьбе. Лапочка явила собой радость, но что ему делать с этой радостью дальше, он представлял слабо. Одно он знал уже точно: надвигается что-то серьезное. Возможно, даже опасное. Он видел себя

сползающим в пугающую зависимость от другого человека. Пугал его, конечно, не человек, а вероятная необходимость соразмерять свою дальнейшую жизнь с этим человеком. Кому-то это кажется простым решением. Для него, не боявшегося ничего в своем одиночестве, такое решение таило в себе массу сложностей.

Первой в ряду этих сложностей являлась ее семья. Люди прожили вместе восемь лет. Они уже не просто муж и жена. Они брат и сестра, отец и дочь, мама и сын в одной ипостаси супругов. Да плюс еще ребенок, который разговаривает и все понимает. Восемь новогодних праздников, рождественских каникул, зим, весен, багряно-желтых осеней. Тысячи ночей секса, ссор, примирений, первый выпавший зубик ребенка. Первые старые вещи, после бурного обсуждения выбрасываемые на помойку. Насморк или воспаление легких, массаж сорванной спины, полотенце вокруг ее головы и полотенце на его бедрах после душа. Шашлыки на природе с запоздалым «хлеб забыли!». Сонные посиделки перед телевизором, утренние поцелуи перед уходом на работу. «Кого пригласим на твой день рождения? А что тебе подарить?.. Дорогая, в этом месяце сэкономим, а в следующем купим в кредит новую машину... Устал, милый? А я приготовила тебе вкусненькое... Сегодня звонила твоя мама, спрашивала, как дела. Да? Я сказала, все хорошо...»

Это... Это как кустарник, растущий из одного корня. Невозможно отломить одну веточку, не причинив боли остальным. Да и неизвестно, приживется ли украденная ветка на твоём теле, потому как... Что ты из себя представляешь? И это вторая сложность. До сих пор у него не было повода задуматься о собственной жизни. Одного его все устраивало. Но с ее появлением устраивать перестало. В сущности, он неудачник предпенсионного возраста. Что его держит в этом болоте? Почему он здесь находится и носит в себе какие-то едкие псевдоанализы окружающей среды? Что он сделал, чтобы приподняться над этой средой, испытывая иногда бессмысленный восторг превосходства над всем и вся? Ничего. А рядом, вгрызаясь зубами, впиваясь ногтями, карабкались куда-то вверх вчерашние знакомые, и если он поднимет глаза, то может увидеть их толстые задницы, надежно застрявшие между сучьев стабильности. Судя по выражениям задниц, они еще не совсем довольны. Но они просто отдыхают на очередной статусной ступеньке, а впереди погоны старшего менеджера или даже партнера чего-то движущегося в машинке для нарезки денег, чеков, акций и облигаций.

Кому противно? Вчера было противно! А сегодня утром, прижав к лицу ее белую маечку, он понял, что упустил что-то важное. Там, наверху, очень запросто могла быть и его задница, а этот Сережа, вполне вероятно, отдыхал бы сейчас в другом кустарнике. А он собирался бы на барбекю и просил Эдгара не забыть ракетки для бадминтона. Эдгар – придумали же имечко!.. А тебе какое дело до имени их ребенка? Никакого, просто если бы это был мой сын... Если бы! Но это не твой сын, и твоя задница в полном дерьме! Так что сиди на ней ровно и сопи в две дырки, как сопел тридцать шесть лет! А вот это дудки! Как хочу, так и живу! Я неудачник? Не-ет! Это такая вот моя личная удача! Каждому свое! Я себе и такой нравлюсь, и не только себе!..

– Пойдем сегодня в клуб, – предложил он ей в субботу.

Она, конечно, согласилась и позвала с собой подруг, а он натрескался водки в первый же час и, отколовшись от их компании, перещупал едва ли не половину охочих до свободной любви девушек. Девушки хихикали и оставляли ему свои телефоны. Он купался в мареве успеха и с удовольствием отмечал, что ей это неприятно. Обратную дорогу домой он помнил смутно. Она сидела впереди, рядом с водителем такси, он – сзади, клонясь головой к колесам ее подружки. Таксиста она попросила не уезжать. Он не придал этому значения. Он даже не успел закрыть дверь на ключ, а она уже протиснулась мимо него на лестницу с дорожными сумками в руках.

– Не понял, – действительно не понял он.

– Завтра поймешь, – не оборачиваясь, сказала она и... ушла?

Он не мог в это поверить, но в квартире звенела тишина. Там, где стояли ее сумки и пакеты, пол словно зиял черной дырой пустоты. Он посмотрел на полку с ее косметикой – пусто, заглянул в ванную – пусто. Пустые плечики встретили его и в шкафу. Так быстро собрать вещи невозможно. Он искал хотя бы заколку, еще утром лежавшую у кровати, но не нашел даже этой мелочи. Он вскипятит чай, выпил две кружки подряд, покурил, и только тут в него проникло: она ушла! Мгновенный испуг, как укол шприца, впился в его сердце и застыл там холодным стержнем. Он бросился в комнату, потом зачем-то к входной двери – вдруг накатившая растерянность бросала его тело из стороны в сторону, не давая покоя необъяснимым ужасом утраты. В голове что-то полыхало и взрывалось, руки дрожали непоправимостью случившегося, а грудь стянуло ремнем удушья.

Дышать и в самом деле стало тяжело. Он со всхлипом втягивал в себя воздух, но не мог заполнить легкие даже на треть необходимого, чтобы успокоиться. В глазах потемнело. Он пошарил рукой вокруг себя и, схватив подвернувшийся нож, с силой резанул по стягивающему грудь ремню. Перезревший ремень лопнул и упал к его ногам. Он облегченно вздохнул полной грудью и обессиленный плюхнулся в кресло. Сердце, успокаиваясь, еще грозило ему эхом гулких ударов, но боль, кажется, ушла. А может, и не ушла – просто он ее не чувствовал, склоняя отяжелевшую вдруг голову на изрезанную грудь, и забываясь в тревожном пьяном сне...

Глава четвертая

Заключение судмедэкспертов только добавило путаницы в это странное дело. Смерть девушки наступила от удушения за три дня до обнаружения трупов. Мужчина умер через двое суток после нее, а самое главное, он умер без каких-либо внешних физических воздействий. Сам по себе. На его теле обнаружены только небольшие пролежни на правом боку. Он просто лежал, не вставая, после смерти девушки, но удивительно, что половой контакт с не установленным пока лицом состоялся у него примерно через пару часов после гибели его подруги. Согласно заключениям экспертов, какими-либо патологиями он не страдал: сердце, печень, почки – все в норме. В легких обнаружены небольшие затемнения, характерные для курильщика, но, как утверждали эксперты, с такими пятнами можно жить лет до восьмидесяти. На момент смерти его организм был сильно обезвожен, что, возможно, и стало причиной остановки сердца, но опять же – он очевидным образом не предпринимал никаких усилий, чтобы поддерживать жизнедеятельность своего организма.

Еще одно любопытное заключение касалось результатов анализов спермы. Сперма на теле девушки принадлежала покойному, а презервативом для полового сношения с ним пользовался кто-то другой. Это обстоятельство еще хоть как-то поддерживало версию о нападении, хотя в ее исключительности Николаев сомневался уже после осмотра квартиры. Соседи, как под копирку, говорили о том, что не слышали шума. Причем не только в день, когда произошло убийство, но и в какой-либо другой день тоже. По их показаниям, получалось, что эта парочка вела довольно спокойный образ жизни, иногда, впрочем, возвращаясь навеселе далеко за полночь из каких-нибудь ночных клубов или ресторанов.

Правда, старик-пенсионер из соседней квартиры вспомнил, что столкнулся несколько дней назад с жильцом и его поведение показалось ему странным. Выглядел молодой человек болезненно, на обычные в таких ситуациях житейские вопросы отвечал невпопад. Однако этим загадки расследования не ограничились. Выяснилось, что отпечатки пальцев на шее девушки принадлежали также покойному, из чего следовало... Из чего следовало черт знает что.

– Как там Голландия? – поинтересовался Николаев на третий день следствия у Лунина.

– Не поверите, но она замужем, – с непонятной радостью сообщил Лунин. – В смысле – была, – тут же поправился он. – Муж – солидный бизнесмен. Имеется общий сын. Мальчику шесть лет. Это первый брак и для нее, и для него. Вместе уже восемь лет. Из ранних пташек, так сказать. Ей двадцать пять лет, мужу – тридцать один. Полгода назад она прилетала в Россию навестить родителей, потом улетела в Голландию на три недели, опять вернулась в Россию и почему-то осталась здесь. Информация получена как бы через посредников в лице сотрудников нашего посольства. Напрямую с мужем поговорить не удалось.

– Поговорим еще, – хмуро сказал Николаев. – Вызывайте его сюда. Пусть забирает труп.

– А с ее дружком что делать?

– Вызывайте родных из Владивостока.

– Дык не получается пока. В смысле – родных обнаружить. Наши во Владивостоке пробили обоих по базам данных. Они никогда не пересекались. Она сразу после школы вышла замуж и уехала вместе с мужем за границу. Он приехал во Владивосток уже после ее отъезда. Работал в рекламной компании.

– Откуда приехал?

– Хрен его знает... Извините. Нет информации. Я попросил, чтобы опросили его коллег, но вы сами понимаете, это не очень быстрый процесс. У них своей работы выше крыши.

– Постарайтесь надавить на федеральный статус расследования.

– Нужен соответствующий запрос.

– Сделайте. Это нетрудно. Я договорюсь.

– Хорошо.

– Только до приезда родных нам необходимо вычислить третьего, который находился в квартире. Возможно, потребуется опознание трупов. За что мы можем зацепиться?

Лунин почесал за правым ухом.

– Думаю, нужно проверить исходящие звонки на их телефонах, а заодно поинтересоваться у стучачей о наличии в районе криминальных элементов с гомосексуальным прошлым.

– Соображаешь, – усмехнулся Николаев. – Последнее: почерк.

– Все совпало. Это его записи.

– В таком случае запроси для меня тетрадь из вещдоков. Почитаем, что он наваял. Может, там какие-нибудь зацепки имеются...

С тетрадь Лунин управился уже к вечеру. Расторопный парнишка оказался. Напрасно его отпустил Юго-Запад. Такое рвение нынче на вес золота. Несмотря на формальные требования к работе с вещдоками, тетрадь Николаев решил взять с собой. От нечего делать, он начал читать ее еще в вагоне метро. Ему никто не мешал – вагоны в это время едва заполнены на треть. Но вникнуть в суть написанного под убаюкивающий стук колес было нелегко. Действительно, какая-то абракадабра. Такое ощущение, что история выдернута из контекста другого повествования, в котором она, возможно, смотрелась более органично и что-то объясняла. Сам по себе этот рассказ ассоциировался с ампутированной рукой, и Николаев в полудреме все время соскальзывал на его начало: «Возле последнего необитаемого острова Земли столкнулись подводная лодка и самолет».

«Сложно объяснить, как это случилось». Если «сложно» объяснить, то автор предполагает, что объяснение все-таки возможно – пусть самое сложное. Но подводная лодка не может столкнуться с самолетом ни при каких обстоятельствах. Это очевидно. Для чего тогда придумана именно такая преамбула? Чтобы показать исключительность дальнейших событий и персонажей? Или исключительность объединения именно этих людей в ограниченном пространстве? Значит, дальше должно последовать описание определенных типажей, отношения которых в реальной жизни невозможны.

Николаев поймал себя на мысли, что пытается анализировать прочитанное с точки зрения юриста, и улыбнулся. Ему нужны зацепки, а он разбирается в мотивации покойного автора-бисексуала, убившего свою подругу. Так можно бесконечно долго ходить вокруг да около. Он закрыл тетрадь и, стараясь ни о чем не думать, продремал до последней остановки метро. Рядом с остановкой находилась автостоянка, где он оставлял свою машину, добираясь на работу. Бросив тетрадь на заднее сиденье, Николаев завел двигатель и включил любимый диск Ханса Зиммера. Ему нравился этот период возвращения домой. В такие минуты он действительно отключался от всего и воспринимал себя как человека вне нынешнего времени и какого-либо социального статуса. Без конкретных образов, просто что-то благородное и возвышенное, вроде бы как ожидающее впереди.

Отчасти этому способствовали любимые мелодии и быстрая езда. Но, насколько он себя помнил, его всегда наполняла щекотливым восторгом неопределенная мечта о переменах. Не то чтобы он был недоволен своим положением. Наверно, это соотносилось с ощущением внутренней вершины, до которой, как ему казалось, он пока еще так и не добрался. Эта вершина оставалась единственным местом в мире, где он мог побыть один. Он даже не был уверен, что хочет ее достигнуть в реальной жизни – рядом мгновенно нарисовались бы посторонние люди и новые обязательства, нарушив его уединение, – а потому Николаев не пытался предметно размышлять, чего же он хочет на самом деле.

Раньше это нередко вызывало раздражение его жены Лизы. Правда, она считала его уходы в себя обыкновенным невниманием к собственной персоне. Он оправдывался загруженностью на работе, но со временем большую часть своего волнительного одиночества перенес в эти возвращения домой. Здесь ему никто не мешал, и он никому не мешал. Очень рациональный

подход. Кстати, о Лизе. Хорошая жена и, в принципе, несварливая женщина. Хозяйственная и чистоплотная. Умная, вполне возможно, что умней его. Мудрее, во всяком случае. Сказывалось, наверно, филологическое образование. Или опыт наставничества, который она приобрела в школе. Последние лет шесть она не работала – ухаживала за детьми. А вот после университета успела довести до выпускного вечера очень интересный класс. Интересный – по ее отзывам. Хотя Николаев иногда шутил, что интерес этот в большой степени был спровоцирован повышенным содержанием гормонов в крови ее подопечных переростков, поголовно влюбленных в молодую учительницу.

Она в шутку сердилась, но по ее пунцовым довольным щечкам было ясно, что Николаев недалек от истины. Впрочем, по окончании школы многие ученики продолжали поддерживать с Лизой контакты, делясь своими успехами или неудачами уже на студенческом поприще. Некоторые звонят до сих пор. В общем, серой мышкой ее не назовешь и в привлекательности внешности и натуры ей не откажешь. Единственное замечание... Даже не замечание, а констатация не совсем эротичной укоренившейся традиции, одно представление о которой повергало Николаева в жутчайшую усталость. Она не признавала секс как физиологическую разрядку и требовала неукоснительного соблюдения определенного ритуала: поцелуи, ласки и т. д.

Николаев не возражал против прелюдий, но полагал, что они не всегда уместны в обычной жизни. Работа, дом, борьба за место под солнцем, куча версий в башке. Родные все-таки люди, не медовый месяц, в конце концов – иногда можно обойтись и коротким, но энергичным обменом гормонами. Лиза подобные попытки пресекала в зародыше и начинала говорить о любви и внимании. У Николаева такие разговоры вызывали скуку и раздражение. Он, конечно, внимал, но очень хотел сказать: «Дорогая, когда ты повзрослеешь? Нам по тридцать пять лет, десять лет в браке, двое детей. Какие розы и французские рестораны, черт возьми? Невозможно поддерживать страсть на уровне первого года знакомства. Дальше наступает ответственность – перед детьми, перед обществом. Я же тебя люблю и не бегаю налево. У нас все как у людей. Дети сыты и одеты, каждый год отдыхаем в Турции или Тунисе. Ну зачем эти кривляния в виде томного взгляда и замедленного передвижения на четырех конечностях. Если честно, то становится смешно и возникают проблемы с эрекцией...»

Ничего этого он, конечно, никогда не говорил, но поскольку частенько продумывал такую версию диалога с женой, то стал замечать за собой, что нередко избегает постели. Получалось даже лучше, чем с сексом. Поводов для «серьезных» разговоров оставалось все меньше и меньше. Сегодня он вообще не беспокоился на этот счет. У жены начались месячные, и он имел в запасе «законный» трехдневный отпуск. Кстати, именно поэтому он и захватил с собой тетрадь этого сумасшедшего автора. В обычные дни Лиза не очень любила, когда он пытался работать дома. Во время месячных она была всецело поглощена собственными ощущениями.

За тетрадью пришлось возвращаться после ужина в гараж. Николаев так и оставил ее на заднем сиденье. Было уже поздно – около одиннадцати часов вечера. Но не хотелось появиться завтра на работе без определенных выводов по части вещдока, взятого на дом в целях экономии времени на расследование. На улице было очень тихо, в гараже и вовсе воздух звенел от хрупкой неподвижности. Николаев машинально уселся в машину на место водителя и, включив свет, открыл тетрадь.

* * *

- А что, вы говорите, у вас с женой? Я имею в виду сексуальные проблемы.
- Ну, я бы не назвал это проблемами.
- Когда у вас в последний раз был секс с супругой?
- Это обязательно?
- Да.

– Ну... Последние две недели было как-то не до этого... Три... да, три недели назад.

– А почему последние две недели вам было не до этого?

– Так я, собственно, по этому поводу к вам и обратился. То есть не по поводу секса, а по причине некоторых странных моментов, скажем так, в моем поведении, ранее мне абсолютно не присущих. Но вы же хотели подробно и с самого начала, поэтому я и рассказываю вам об этом деле, которое, как мне кажется, стало неким толчком для ненужных размышлений и, соответственно, поступков.

– Тогда у меня другой вопрос: вы изменяете своей жене?

– Было пару раз, если честно – в командировках. Но это носило случайный характер и на наших отношениях никак не отразилось. Доктор, во избежание недоразумений уверяю вас, что я люблю и уважаю свою жену. Она мать моих детей и очень хороший человек. Она мне как друг. Причем самый надежный.

– Это хорошо, что вы так говорите. Но последние две недели ваши отношения вряд ли можно назвать любовными или даже дружескими. Во всяком случае, если спросить об этом вашу жену. Я уверен. Но коль скоро вы все еще думаете, что причиной всему это странное дело, то прошу вас – продолжайте.

* * *

Странные люди в масках обезьян пытались отговорить его от опрометчивого шага. Но он не понимал, почему они с такой опаской восприняли его желание жениться на Рыжей. Тем более что она никого, кроме него, не интересовала. Во всяком случае, вслух подобного интереса никто не высказывал. Он, конечно, догадывался почему. Кого может заинтересовать девушка с крыльями, да еще отказывающаяся от еды и питья? Мороки с такой выше крыши, а результат может оказаться нулевой. Но он был уверен, что причина добровольной аскезы Рыжей в ее боязни оказаться на виду. С такой красотой невозможно свободно любить. Она обязательно станет добычей сильнейшего. Так уж повелось. Однако если ему удастся связать себя с ней законными отношениями в ее нынешнем положении, то уже никто не посмеет претендовать на Рыжую. А уж чтобы она расцвела после свадьбы, он об этом позаботится. Он будет любить так сильно, что растопит лед ее души. Он уже любит ее больше жизни и каждый раз с трудом скрывает эрекцию, глядя на ее неподвижное, почти безжизненное тело.

Люди-обезьяны не подозревали о его тайных намерениях. Их психология семейной жизни отталкивалась от возможности или невозможности продолжить род. На этом испокон веков держалось все. Рыжая представлялась им абсолютно бесполезной в плане размножения, и они наперебой уговаривали его оставить ее умирать. Он не соглашался. Но ему было трудно объяснить этим полулюдям-полуобезьянам, что не все в этой жизни строится на необходимости. Есть еще чувства, над которыми мы не властны. Именно чувства даруют нам ощущение полной свободы, и только наполненный любовью человек забывает о своих болячках и трудностях. Они не понимали, а он психовал. Господи, это же так просто!

– Это же так просто! – кричал он им.

Обезьяны угрюмо молчали, и он начинал опасаться, что их непонимание грозит ему чем-то более угнетающим, нежели жалость. Умом они не блещут – возьмут да оторвут ей крылья, как бы облегчая ему будущую участь супруга странной женщины. А он не видел в ней ничего странного. Наоборот, ее крылья – это чудо. Дай бог каждому уметь летать, а не прятать всю жизнь истинное лицо под маской обезьяны... В этом месте его рассуждения прервал сильный толчок в плечо, и он проснулся. У открытой двери машины стояла испуганная Лиза.

– Что? – не понял спросонья Николаев.

– Ничего, – тихо сказала Лиза. – С каких это пор ты начал спать в машине?

– Лиза, – виновато провел по лицу рукой Николаев. – Прости, ради бога, если напугал. Начал читать и не заметил, как вырубился. Это материалы одного уголовного дела. На работе сегодня полный завал, устал как собака.

– Ты не мог прочитать свои материалы в доме?

– Машинально получилось, – оправдывался Николаев, выбираясь из машины. – Решил просто глянуть, и затянуло.

Он привлек к себе слегка сопротивляющуюся жену и поцеловал ее в губы.

– Ну, прости, котенок. По-дурацки получилось. Больше не повторится.

– Два часа ночи, – все еще недовольно буркнула Лиза.

– Прости, прости...

Николаев закрыл машину и гараж и, приобняв жену за плечи, направился с ней к дому.

– Я тут не очень обычное дело разбираю. Детали тебе знать не обязательно – двойное убийство, – рассказывал он ей по дороге. – Но детектив закручивается похлеще, чем у Агаты Кристи. Главный подозреваемый покончил с собой через уморение голодом после того, как его кто-то изнасиловал.

– Гадость какая, – поморщилась жена.

– Ага, и при этом абсолютно непонятная ситуация с мотивами. Он еще и дневник вел. Вернее, не дневник, а что-то вроде литературных фантазий на тему своих отношений с погибшей девушкой. И там, понимаешь, такая картина интересная получается. Девушка по описаниям совпадает один в один, а вот в роли кого он предстает – непонятно. Один слишком молод, второй староват. У него же возраст примерно посередине. Есть там еще один персонаж, который вроде бы тоже в нее влюблен. Про его возраст ничего не сказано. Но любит он ее как-то странно – истязает и даже готов дать ей умереть, лишь бы она никому не досталась... Кстати, что-то мотивационное проскакивает.

– А те двое как же? – невольно заинтересовалась Лиза.

– Те, естественно, ее спасают, но остается она со старым, потому что вроде бы как любит. Молодой, в принципе, не возражает.

– А тот, который ее истязал?

– Про него вообще ничего не говорится.

– Ну, значит, искать нужно между этими двумя. Уж про себя-то он, наверно, написал до конца.

– Логично, – улыбнулся Николаев. – Только там конца как бы и нет. То есть, получается, когда он это писал, то убивать ее точно не собирался...

Николаев задумался. Что-то начинало складываться в логическую цепочку. Разговор с женой явно пошел на пользу. Хотя с машиной получилось, конечно, нехорошо. Если бы Лиза не пришла за ним сама, то могла бы подумать бог весть что. Только личных проблем ему сейчас не хватало.

Из дневника покойного подозреваемого:

«После спаривания жизнь в лагере и впрямь качественно изменилась. Женщины заметно повеселели, а мужчины стали управляемей, чем раньше. Из общего ритма жизни выпадала только Химия. Она беспрерывно что-то брюзжала про разврат, Содом и Гоморру, но на нее почти не обращали внимания. Даже бывшие коллеги, неопределенно покачивая головами под ее моралите, с облегчением убегали по своим делам, как только она набирала в грудь воздух для продолжения спича. А дел у авиаторов было очень много. В этих широтах зима им не грозила, но в запасах пищи и пресной воды они все равно нуждались. Остров изобилывал дикими животными, включая косуль и бородавочников, но охотиться за ними в одиночку из-за отдаленных рыков то ли леопардов, то ли тигров было опасно. Поэтому мужчин пришлось

разделить на две команды. Первая ходила на охоту. Вторая сопровождала женщин в походах за фруктами, также в изобилии произрастающих в густом лесу у подножия горы.

«Летная гора» вообще благоволила к своим неожиданным обитателям. На ее склонах оказалось множество солончаков, а чуть ниже плато, на котором расположились авиаторы, обнаружилось несколько подземных источников с пресной водой. Благодаря соли авиаторам удалось создать солидные запасы мяса в специально выкопанных на большую глубину ямах. Близость источников также благотворно влияла на моральный климат в лагере. Один из источников удалось переделать в некое подобие душа, и вечерами лагерь с удовольствием и подолгу проводил время в его чистейших водах, отмываясь от дневной накипи. Причем купались все абсолютно голыми. Как-то незаметно люди перестали стесняться друг друга. Наверно, опять же сказывалось то обстоятельство, что вся их жизнь протекала на виду друг у друга, каждый имел семью и любое поползновение в сторону флирта исключалось.

Таких простых и понятных вещей не понимала только Химия. К источнику она ходила редко и, как правило, ночью, когда там уже никого не было. Она вообще вела довольно уединенный образ жизни. Через несколько недель после спаривания она попросила «Того, который сказал: здесь!» построить ей отдельный дом. «Тот, который сказал: здесь!» согласился, но взял с нее клятву, что она не будет вмешиваться в личную жизнь авиаторов со своими нравами. Химия такую клятву дала, и теперь ее не было видно и слышно. «Того, который сказал: здесь!» ее нынешнее поведение вполне устраивало, хотя смысла в таком отшельничестве он не видел. Впрочем, возможно, его отшельничество тоже казалось кому-то странным. Несколько раз его приглашали в семьи в качестве второго или даже первого мужа. Особенно усердствовала в этом плане Толстуха, которой, судя по всему, пришелся по душе образовавшийся в ее доме мужской гарем. Как она справлялась с тремя мужчинами, «Тот, который сказал: здесь!» не знал. Наверно, неплохо, если она постоянно намекала ему на желательность его появления на ее семейном ложе. Но он отказывался, ссылаясь на то, что у него другие задачи и что он не сможет уделять семье необходимое внимание ввиду своей занятости.

На самом деле, однажды установив жесткий иерархический порядок, «Тот, который сказал: здесь!» был не так уж и занят. И единственной по-настоящему серьезной причиной его холостяцкого образа жизни была неожиданно вспыхнувшая любовь к рыжей девушке из Австралии. Теперь, по прошествии времени, он точно знал, что это любовь. Он внимательно следил за ее жизнью с Лаборантом и с удовлетворением отмечал, что отношений у них как таковых нет. Однажды и сам Лаборант признался ему в этом. С непонятным восторгом и искренностью.

– Она на меня не давит, – радостно сообщил он. – Она очень хорошая. Я сказал ей, что нам не надо торопиться, нужно привыкнуть друг к другу, она согласилась.

Лаборант и Рыжая «привыкали» друг к другу уже третий месяц. Рыжая оказалась очень хозяйственной и общительной девушкой. От нее исходила едва ли не осязаемая аура добра, как магнитом притягивающая к себе людей. Она стала по-настоящему душой лагеря. В ее доме, неизменно чистом и ухоженном, всегда было много гостей. Люди любили приходить к ней и растворяться сердцами в ее расположении и сочувствии. Однажды вечером в составе большой компании побывал у нее в гостях и «Тот, который сказал: здесь!». За весь вечер он не перемолвился с Рыжей ни словом, но несколько раз встретился с ней взглядом. Ему даже показалось, что на него она смотрит как-то по-особенному, но не мог расшифровать негативный или положительный смысл такого персонального внимания. Да и Лаборант не давал ему задуматься о загадках визуального общения, поминутно переспрашивая о комфортности пребывания «Того, который сказал: здесь!» у него в гостях. Вот уж кто не являл собой никакой загадки, с неподдельным счастьем на лице принимая дорогого гостя.

Именно Рыжая предложила отпраздновать первые полгода на острове, устроив что-то вроде костюмированного бала. Ее идею приняли на ура, а «Тот, который сказал: здесь!» недо-

умевал, как мысль о таком простом механизме создания традиций не пришла ему в голову с самого начала. К празднику все готовились с большим воодушевлением. Два музыканта из Голландии умудрились в катастрофной суматохе спасти акустические гитары. Хотя скорее это гитары спасли им жизнь, поскольку на берег они выбрались без спасательных жилетов. В первые месяцы им, да и всем остальным тоже, было как-то не до музыки. Теперь оба каждый вечер разучивали песни народов мира, раскладывая их на две партии. По коллективному сценарию выходило, что праздник начнется с избрания королевы бала, которая выберет себе короля. Король и королева откроют танцевальный вечер какой-нибудь хорошей медленной композицией под аккомпанемент голландцев, а потом веселье продолжится застольем.

За время пребывания на острове авиаторы научились делать неплохое вино из дикого винограда. «Тот, который сказал: здесь!» запрещал дневные возлияния, но вечерами пропустить один-другой деревянный бокал вина никому не возбранялось. Правда, до совместных попок дело еще не доходило, и праздник должен был стать еще и первой проверкой на алкогольную совместимость всех проживающих в лагере. Сам «Тот, который сказал: здесь!» изначально решил для себя, что на первый случай сохранит трезвую голову и проследит за порядком. К тому же он опасался, что под действием вина неосторожным словом или взглядом обнаружит свои чувства к Рыжей.

Никто не сомневался, что королевой и королем праздника станут Рыжая и Лаборант. Последнего такая перспектива приводила в радостное возбуждение, и однажды он даже сообщил Рыжей, что, возможно, решится на какие-то перемены в их отношениях после праздника. «Тот, который сказал: здесь!» безумно хотел знать, что ответила Рыжая, но, огорошив его столь интимным известием, Лаборант ничего больше не сказал, а спрашивать самому «Тому, который сказал: здесь!» было неудобно. Вот в этой обстановке всеобщего приподнятого настроения авиаторы и подошли к знаменательной дате.

На Глас народа, как называли авиаторы их общее место сбора, люди пришли разукрашенные глиной и сажой. Несмотря на скудость подручных средств для создания действительно ярких образов, каждый постарался как мог, и Глас народа, по периметру которого разожгли яркие костры, заполнили индейцы, пираты, лесные и горные духи, горные бараны, черти и прочая нечисть. «Тот, который сказал: здесь!», намереваясь постричься на следующий день, выбрил себе голову, оставив короткую полоску волос, которую поднял торчком «а-ля ирокез». Лицо он размалевал черными полосками, и подальше от света костров, в темноте, откуда он наблюдал за происходящим, были видны только белки его глаз.

Люди дудели в полые рога, голландцы что-то играли на гитарах, всем уже было весело, но ждали Рыжую и Лаборанта. Когда они появились, восторженный вздох прокатился по рядам авиаторов. Лаборанта, изображавшего какого-то лесного божка с листовым венком на голове, похоже, никто и не заметил. Рыжая, едва ступив в освещенный круг, была тут же встречена шквалом аплодисментов.

– Королева! – закричал кто-то, и все тут же подхватили: – Королева! Королева! Королева!..

Она и в самом деле выглядела как королева этой странной толпы дурачившихся людей. Короткая юбка обнажала ее прекрасные длинные ноги, щиколотки которых украшали самодельные браслеты из каких-то лесных ягод. Такие же браслеты были на ее руках, а сбоку к волосам прилепилась ниточка переливающихся прозрачных бусинок. Собственно, ее наряд и костюмом, по большому счету, никто бы не назвал, но он так удачно вписался в этот маскарадный бедлам, что тут же подтвердил предопределенность выбора. Рыжую подхватили на руки и усадили на подобие трона в центре Гласа народа. Все опять захлопали в ладоши и закричали: «Королева!» Она выглядела несколько смущенно, но, когда к ней попытались подвести короля, то есть Лаборанта, Рыжая вдруг решительно поднялась со своего места и предостерегающе подняла руку. Все замолчали.

– Королева сама должна сделать свой выбор! – громко сказала Рыжая. – На то она и королева!

– Верно! – подхватили в первую очередь мужчины. – Пусть королева сама выберет себе короля!

Недоумевающий Лаборант застыл в двух шагах от трона, не понимая, что происходит. Рыжая, не обращая на него внимания, вновь подняла руку, призывая всех к тишине. Народ замер, ожидая ее решения. Рыжая медленно опустила руку, сжатую в кулак, и повелительно вытянула пальцы поверх голов куда-то в темноту. Все обернулись в направлении ее руки. Там, в стороне от всех стоял «Тот, который сказал: здесь!».

– Вот мой король! – громко сказала Рыжая.

Несколько секунд авиаторы молчали. «Тот, который сказал: здесь!» молчал вместе со всеми, потому что не знал, как ему поступить. Рыжая на глазах у всех разрушала выстроенную им концепцию взаимоотношений в лагере. Пусть даже в шуточном виде, но наверняка все поняли, что ее выбор обусловлен много большим, чем желание пошутить. «Тому, который сказал: здесь!» ее желание показалось обыкновенным протестом – правда, несколько вызывающим. Это нужно было как-то пресечь в зародыше, но можно испортить праздник. Обстановку разрядил Лаборант.

– Король избран! – закричал он.

– Королева сделала свой выбор! – подхватили остальные, и вновь заиграла музыка, загудели рога, а толпа расступилась, уступая дорогу королю.

Скривив рот в неопределенной усмешке, «Тот который сказал: здесь!» шагнул в освещенный периметр Гласа народа. Рыжая смотрела на него не мигая, слегка склонив голову набок. «Тот, который сказал: здесь!» остановился в двух шагах от нее, впервые не зная, что ему делать. С натужной улыбкой он оглядывался по сторонам, словно хотел сказать: ну, пошутили – и хватит. Но Рыжая вновь подняла руку, а когда все умолкли, махнула музыкантам-голландцам: начинайте!

– What can I do to make you love me, – затянул неожиданно сильным и приятным голосом один из голландцев, и полились гитарные переливы незнакомой «Тому, который сказал: здесь!», но красивой песни.

Рыжая сама приблизилась к нему и положила ему на плечи свои руки.

– Я не умею танцевать, – с трудом признался «Тот, который сказал: здесь!».

– Положи руки мне на талию и двигайся вместе со мной, – сказала Рыжая, впервые обратившись к нему на ты.

«Тот, который сказал: здесь!», как под гипнозом, поднял руки и осторожно, словно проверял на жар раскаленные уголья, опустил их на ее бедра. На лбу у него мгновенно выступил крупный пот и, размывая полоски сажи, покатился вниз, к уголкам губ. Музыка застряла у него в ушах ватным волнением. Он напрягся, как будто собирался поднять Рыжую над головой. А она, слегка улыбнувшись и по-прежнему глядя ему в глаза, потянула его аккуратным, но сильным движением на себя. Танец начался. «Тот, который сказал: здесь!» послушно топтался на месте, подчиняясь воле Рыжей и всеми силами стараясь не наступить ей на ноги. Он не смотрел по сторонам, чтобы не сбиться, и не знал, как выглядит со стороны, хотя и предполагал, что ужасно. Вполне вероятно, что он был недалеко от истины, но по меньшей мере один человек в это время думал, что ничего прекрасней этого королевского танца он еще не видел. И первая ревность незнакомым возмущением ворочалась у него в груди, устраиваясь удобно и надолго. И если бы «Тот, который сказал: здесь!» мог видеть в эти мгновения Лаборанта, то он, возможно, понял бы, что, не желая того, приобрел себе личного врага.

Но он никого не видел, потому что смотрел на Рыжую. А она смотрела на него. И, казалось, бесконечно долго играла музыка, но, когда она закончилась, они еще продолжали танцевать, уже понимая, что случилось непоправимое.

– Праздник открыт! – закричал кто-то, как бичом стеганув по вновь образовавшейся коже нового организма.

И вновь загудели рога, и гитары сошли с ума, и все пустились в дикий пляс, закрыв на время от спрятавшегося за тронном Лаборанта замерших посередине короля и королеву. Веселье продолжалось всю ночь. И конечно, все ужасно напилось. Особенно Лаборант, которого среди ночи Рыжая была вынуждена увести домой. Но, на удивление, никакими эксцессами праздник не омрачился. «Тот, который сказал: здесь!» больше не подходил к Рыжей и внимательно следил за порядком. Когда перед самым рассветом все разошлись по домам, он еще постоял на Глазе народа, прислушиваясь к звукам в лагере, и только убедившись, что все успокоилось, направился к источнику, чтобы смыть с себя боевую раскраску».

Глава пятая

Через три часа он с трудом смог напрячь шею, чтобы вернуть голову на место. Шея затекла и ужасно болела, болела и грудь. На рубашке застыли пятна крови, обозначая места, в которых материя прикипела к телу. Он тяжело поднялся, снял штаны и прямо в испорченной рубашке залез под душ. Теплая вода помогла безболезненно избавиться от последней одежды. Он осмотрел себя в зеркало. Порезы были неглубокими, но вечными. Только на их окончательное заживление уйдет, наверно, месяц, и все равно останутся следы – как свидетельство инфантильной глупости. Хотя, размышляя о глупости, он в первую очередь подумал о своем вчерашнем поведении. Зачем? Что он хотел доказать? Рядом с ним была такая женщина, а он решил отработать на ней дешевые фокусы с собственным эго.

Он мог вживить в свою биографию самую яркую страницу, сказку, которая навсегда останется с ним как универсальное лекарство от любой депрессии в будущем. И не важно, что они не будут вместе, важны эти волшебные ощущения причастности к чуду. Они вечны. В его жизни было чудо: этот голос, эти глаза, губы, эти бусинки в волосах и взгляд, который пьянит и насыщает сам по себе, без омерзительно материальных овощей, неестественного цвета мяса и кислого вина. Только она и он. Недоступная никому планета. Как он мог запустить в их звездолет абсолютно чужих людей, заполонивших чужими следами и неестественными голосами интимное пространство, принадлежавшее только им двоим...

Он сидел в ванной, бил себя кулаками по голове и плакал злыми слезами. Что теперь делать? Куда идти? Чем заниматься? Его существо наполовину уничтожено. В таком виде он легкая добыча самого слабого ветерка и потенциальная жертва неосторожного слова. Он не хочет никаких слов, он не хочет никого видеть. Он потерял броню. Он не может защищаться, а эти убитые многолетней привычкой лица только и ждут, когда он вдруг опустит плечи и растерянно промямлит: «Не знаю... не понимаю...» А он и в самом деле не понимает, что происходит! Но он знает, что не может прожить без нее ни минуты!.. А как позвонить после совокупности конфузоз и глупостей? Как объяснить, что это жутчайшее стечение обстоятельств и сиюминутных порывов, выдавшее на-гора абсолютно несвойственный ему, фатально ошибочный алгоритм поведения? Кто она? Каприз природы, вдруг забросившей в его жизнь на краткий миг бытия это чудо, созданное по образу и подобию несуществующего идеала. Кто он для нее? Небольшое ответвление в размеренной жизни кустарника, ненадолго удивившее своей необычностью, а потом вдруг сбросившее красивую кожуру и обнажившее труху повседневной чернухи...

Ему стало страшно. Сидя на дне ванны, он подтянул к подбородку колени и, обхватив их руками, закрыл глаза, чтобы не видеть открывшуюся перед ним пустоту. И в этот момент в комнате зазвонил телефон. Он подскочил, как ошпаренный, поскользнулся, больно ударился спиной, потом, все-таки выбравшись из чугунной посуды, вновь упал, разбив в кровь колени о кафель. Но, не чувствуя пока боли, все-таки добрался до заветной трубки – и не обманулся в своих ожиданиях: это была она!

– Лапочка, прости! – крикнул он, не дожидаясь ее первых слов.

– Ты проснулся? – спокойно спросила она.

– Да! Я не спал! Прости меня, Лапа!

– Я простила...

– Но почему ты ушла?

– Я подумала, что не нужна тебе...

– Это не так! Это железобетонно не так! Нет! Это титаново не так! Я был идиотом, я вел себя как последний мудака! Я хочу, чтобы ты вернулась и твои вещи стояли в углу, а твои духи – на полке! Я хочу видеть тебя каждую минуту! Можно я приеду за тобой?!

- Я подумаю...
- Не говори так, Лапочка!
- Но мы можем просто встречаться, не обязательно опять перевозить вещи к тебе...
- Обязательно! Это очень обязательно! Ты не понимаешь, как это обязательно! Я должен быть уверен, что ты меня простила, что мы продолжаем... нет, начинаем все сначала, и я больше не совершу ни одной ошибки!
- Ну хорошо, – согласилась она. – Приезжай завтра...
- Сегодня, Лапочка! Мне очень важно сегодня!
- Хорошо... Приезжай...
- Я лечу!!!

Он бросил трубку, и к нему вернулись органы чувств и физиологические потребности. Болели колени и грудь, свирепо гудел пустой желудок, глаза исходили слезами от рези хронического недосыпа. Кроме того, от него несло перегаром, отражение которого он чувал даже от противоположной стены. Но все это было неважно в сравнении с вдруг обретенным спасением. Он сварил кофе, наглотался алка-зельтцера, съел зубчик чеснока, чтобы отбить запах алкоголя, тут же вспомнил, куда едет, и заел чеснок целым лимоном, прямо в кожуре, перекашиваясь лицом, как больной нервным тиком. Перевязочных материалов в спешных поисках он не нашел и налепил на разбитые колени обрывки газет. Прыжок в джинсы и мятую футболку. Руки дрожат, от алка-зельтцера почему-то тошнит, но это все ерунда – через две минуты он на улице, тут же вспомнив, что оставил дома водительские права, но уже не возвращаясь за ними, чтобы не питать себя страхом плохих предзнаменований по дороге к ней. Если его попробуют задержать, он уйдет от любой погони.

Но его никто не задержал, и, хотя чувствовал он себя отвратительно, испытывая жуткую слабость и тошноту, ему удалось без приключений добраться до нее. Он остановил машину в лесном тупичке возле решетки, ограждавшей ее дом. Так у них было условлено, потому что в округе ее помнила каждая собака и она не хотела лишних пересудов. Здесь в решетке оставался узкий проход, которым пользовались только те, кто по каким-либо причинам не мог войти в двухэтажный дом с парадного входа. Он не сигнализировал, позвонив ей заранее, что подъезжает. Просто ждал, откинувшись головой на спинку сиденья и глядя в уже темнеющий вечерним светом проход решетки. Его сердце опять распалось не на шутку. Он не знал, как себя вести. Ему никогда не было стыдно. Сегодня его просто разрывало на части чувство вины, и каждая часть при этом еще пускала пузыри тошнотворного алка-зельтцера.

Ее силуэт в джинсах и летней курточке с капюшоном он угадал сразу. Она катила за собой на колесиках средних размеров чемодан, цокая каблучками, чуть-чуть сутулясь и несколько по-мальчишески переваливаясь с ноги на ногу. Эти ее особенности походки он успел выучить наизусть, они нравились ему больше всего, как наглядное подтверждение, что он имеет дело с живым человеком, а не синтетическим продуктом идеального производства. Поспешно выбираясь из машины, он вспомнил ее рассказ об участии в показе мод какой-то итальянской подруги. Он машинально представил Лапочку среди каких-нибудь Кэмпбелл или Евангелист, улыбнулся и растаял в нежнейшей волне пушистой и уютной жалости. Нет, он не считал, что она в чем-то уступает этим штампованным красавицам. Просто место Лапочки не на рафинированных парадах красоты, а ее шаг не должен зависеть от отмашки даже самого знаменитого кутюрье. Она вне этого. Она над этим. Она королева, а регламентированное движение внизу происходит ради нее. Ее обманули, дружеской улыбкой заманив на этот парад. Маленькая доверчивая девочка...

Он встретил ее по ту сторону решетки и прижал к себе.

- Я так испугался, – прошептал он ей в завитушку, прикрывавшую ушко.
- Поедем быстрее, – попросила она, едва он ослабил хватку. – А то нас могут увидеть соседи...

– Ты меня точно простила? – спросила он, выруливая на большую дорогу.

– Я же еду к тебе...

– Тогда окажи мне услугу – сядь за руль. Я еще не отошел от вчерашнего, и меня немного колбасит.

– Давай, – согласилась она.

Он остановился, они пересели.

– Пристегнуться не хочешь? – спросила она.

– Нет. Зачем?

– Ну, не знаю. Просто некоторые говорят, что я быстро езжу.

– Наверно, не быстрее меня, – усмехнулся он.

Она неопределенно хмыкнула и тронула машину с места. Он прикурил сигарету, но уже в следующую минуту закусил ее зубами и вцепился в ручку над сиденьем пассажира. Она была сумасшедшей. Или у нее отсутствовал нервный центр, отвечающий за чувство опасности. Он мельком глянул на спидометр: 150, 160, 180... Они проскакивали между трейлерами, едва не касаясь их зеркалами. Захватывали на полкорпуса встречную полосу на поворотах. Подрезали в наказание неуступчивых водителей. Мелькнула и осталась далеко позади одинокая фигурка обалдевшего гаишника, не успевшего даже взмахнуть палочкой. На крутом спуске машина пролетела в воздухе несколько метров, и только на въезде в город Лапочка наконец впервые прикоснулась к тормозам, с видимым сожалением осаживая разбушевавшееся под ней авто.

– Хорошая машина, – бесстрастно констатировала она. – Мягко идет.

– Я не сильно испортил воздух? – еле-еле сподобился он на шутку, отрывая от пересохших губ сгоревшую до фильтра сигарету.

– Испугался? – засмеялась она.

– Не успел, слишком быстро все произошло.

– Ну, прости, больше так не буду. Это тебе в наказание за вчерашнее.

Он не возражал. Правда, и наказанным себя не чувствовал. Эта гонка открыла ему Лапочку с новой стороны. Он не помнил, чтобы хоть раз сознательно балансировал на такой скользкой грани опасности. Она же призналась, что в своей Голландии соревнуется на скорость с мужчинами, а поражения может пересчитать по пальцам. Теперь он догадывался, почему у него ничего не получалось той ночью. При всей симпатии и желании он входил в ночь как в приятную, но ответственную работу. Она же предпочитала сходить с ума. Они просто не совпадали по ритмам, и она чувствовала это, оставаясь холодной и равнодушной к его ответственности. Сегодня все будет иначе...

И все происходило иначе. Он осторожно прикоснулся губами к ее губам, изо всех сил сдерживая бушующую в нем страсть. Потом так же бережно лишь на миг опалил дыханием ее брови и веки, вновь вернулся к губам, лаская рукой пока еще настороженное тело. Она не давала ему поднять головы, стесняясь открыться навстречу разом и целиком. Ему приходилось преодолевать небольшое сопротивление, как в первую ночь запретов, но это возбуждало больше, чем если бы он прошел через нее, как нож сквозь масло. Но когда пал последний бастион и они слились в единое целое, ее стыд испарился быстрее, чем она водила машину.

Это был ураган, управлять которым поначалу казалось невозможным. Она как будто что-то искала – возможно, недостижимое и даже несуществующее, жадно наслаждаясь самими поисками. Он тоже искал – и в конце концов нашел, когда, подхватив ее рукой под животик, несильно укусил сзади за шею. Она на мгновение замерла, как жертва перед палачом, измученная жаждой и вдруг получившая в награду за покорность глоток воды, готовая на все, даже самостоятельно спрыгнуть с табуретки под виселицей, чтобы получить еще один глоток, а потом еще один и так до последней капли, утолившей бы ее многодневную жажду на месяцы или даже годы вперед, которых на самом деле у нее уже не будет...

И он чувствовал ее и дарил себя по капле, точно угадывая моменты, когда она делала очередной глоток, тут же предлагая еще, чтобы она как можно дольше не приходила в себя. И она первая взмолилась:

– Хватит!

Но у нее не было сил отказаться от беспрерывного удовольствия, а он, не обращая внимания на крупный пот, стекавший с его лба и скапливавшийся в уголках рта, упивался безграничной властью над ней и своим неожиданным после треволнений последних дней могуществом...

– Эй, – прошептал он, прижимаясь щекой к ее горячей щеке. Наверно, он тоже был горячий, но не чувствовал этого, обессиленный только что закончившимся сумасшествием.

– Ужас, – прошептала она, не открывая глаз.

– Было плохо? Больно? – встревожился он.

– Нет.

– Что тогда?

– Было слишком хорошо... Я, кажется, улетала...

– Теряла сознание?

– Что-то вроде этого... Слезай с меня...

Он, улыбаясь, перекатился на спину.

– Если бы не твои бзики, так могло быть с первой ночи... Каждый день и каждую ночь, – сказал он.

– Не надо каждую ночь...

Она, оставаясь лежать на животе, убрала с лица прядь волос и посмотрела на него еще затынутым поволокой одним глазом.

– Почему не надо? – удивился он.

– Не хочу привыкать к тебе...

– Я тебе неприятен?

– Дурачок, ты же все понимаешь...

– Понимаю, – вздохнул он.

Она пододвинулась к нему и легонько коснулась пореза на груди:

– Что это?

– У восточных народов есть древний способ лечения нервных заболеваний – кровопускание. Вот я и подлечился...

– Ты нервничал?

– Не то слово. Я думал, что убью себя после того, как ты ушла...

– Я тоже сильно переживала... Даже плакала... Это пьяные слезы... Но ты больше не лечись так... Страшно... Ты же не восточный человек...

– Почему знать... У меня ведь в роду есть цыгане, а цыгане, как известно, родом из Индии.

– Так ты цыган?

– Наполовину.

– Господи, я отдалась цыгану! Ты меня приворожил – теперь все понятно...

– Да уж, мы народец не промах... Где ты научилась так быстро собираться? Да еще так безнадежно?

– Безнадежно?

– Ты не оставила ни одной вещи. Как будто уходила навсегда...

– Я и уходила навсегда... Я так ухожу... А быстро собираюсь, потому что есть опыт...

– От мужа уходила?

– И от мужа, и от любовников...

– У тебя было много любовников?

– Тебе нужно точное количество?

- Ну, я думаю, оно не очень большое, учитывая твои бзики...
- Небольшое... – Она задумалась. – Четверо...
- То есть я пятый?
- Ага...
- Пятый элемент...
- Бобби Старший мне больше нравится...
- Почему ты отвечаешь на мои вопросы, которые касаются твоей интимной жизни?
- Потому что ты их задаешь...
- А почему ты не спрашиваешь про мою личную жизнь?
- Я не хочу знать про твою личную жизнь. Я хочу думать, что я у тебя одна... Хотя, конечно, догадываюсь, что у тебя кто-то есть. Ты ведь взрослый мужчина, тебе уже... Сколько тебе лет – я забыла?
- Тридцать два, – опять соврал он.
- Да, вспомнила, тридцать два. Скоро наступит возраст Христа...
- А сколько лет твоему мужу?
- Тридцать. Скоро исполнится тридцать один. Вы с ним почти ровесники. Это мой возраст. Помладше – еще глупые, а разницу в десять лет и старше между партнерами я как-то не понимаю...
- «Хорошо, что соврал», – подумал он.
- А тебе какие девочки нравятся?
- Мне нравится только одна девочка – ты, – сказал он, поцеловал ее в носик, не удержался – скользнул к губам, осторожно перевернул на спину и положил руку на грудь.
- Мне нужно в душ, у меня там водопад, – прошептала она.
- Не надо, – прошептал он в ответ, и сумасшествие повторилось...

* * *

На полторы недели установилась идиллия. Они занимались любовью каждую свободную минуту и старались не обсуждать болезненные темы. Собственно, «болезненной» для них была только одна тема, и они еще даже не подступали к ней. Только догадывались о ее существовании и всячески избегали малейших намеков на ее существование. Как это называется – жили сегодняшним днем. Он больше не допускал «ошибок». Иногда она ночевала у подруг или родственников. Она говорила, что совсем сошла с ума – приехала к родным, а поселилась у мужчины, с которым была знакома всего три дня. Ее мама обижается, да и она почти не видит своего сына – «мачеха», ей нужно хотя бы раз в неделю оставаться у родных. Ему казалось, что она это делает не столько из-за мамы или сына, сколько из-за него – чтобы дать ему возможность поработать; он ведь не находился в отпуске, а с ней он почти не спал, много пил и мало кушал. Кстати, ах да! Еще была работа. Тупая, никому не нужная работа. Он так считал.

Люди жрут все подряд. Они сожрут и дерьмо, если показать им, как это делается, и сказать, что вкусно. По логике ситуации, этого было достаточно, но смешной в своих потугах выглядеть цивилизованным бизнес простота не устраивала. Бизнесу хотелось чего-то забубенного – с контент-редакторами и медиапланами. На выходе получалось то же дерьмо, но в два раза дороже. Тот, кто привлекал к себе внимание, был вынужден платить налоги. Платить налоги в государстве, которое сдирает три шкуры с любой самостоятельной попытки вколотить гвоздь и заработать на этом деньги, Бобби Старший считал величайшей глупостью. В этой стране пока никто ничего не должен. Но поскольку кто-то надеялся на лучшее, то он имел свой кусок хлеба, не прилагая к тому особых усилий. Для того чтобы заработать на спеси, нужно быть просто умнее ее. Его считали гением.

Возможно, такого рода репутацией разумней распорядиться более выгодно, но он не испытывал особых желаний и стремлений, а потому сидел среди женского батальона, наслаждаясь привилегированным положением и средним, по данным госстатистики, доходом. Лапочка ему не мешала. Но он сам охладел к чему бы то ни было, не имеющему отношения к ней. Его мысли летали над воображаемым фундаментом новой жизни, в которой все будет другим: город, люди, работа, день, ночь, время и пространство. Что это было, он тогда и сам не мог объяснить. Любовь? Он тщательно избегал этого слова. Не из-за интуитивного ощущения ловушки. Просто чувствовал: едва это слово вырвется на свободу, как вольно парящие мечты рухнут на голую землю, разбившись на мелкие осколки тяжелой необходимости начинать все сначала. Он ее не отпустит, а она так просто не уйдет. Она тоже боится, и он это видит. Такая вот увлекательная и опасная игра. И тревожно, и восторженно до головокружения, до невозможности что-то скрывать...

– Не иначе наш мачо влюбился? – шутливо поинтересовалась как-то у него коллега Лариса.

– Имею право, – так же шутливо отозвался он.

Хитрая бабенка. Он ее раскусил в первый год работы. С виду невинная овечка с открытой душой. Безмерная доброта, провоцирующая на откровенность. К таким тянутся новички в любом коллективе. К нему она потянулась сама. Понятное дело – мать-одиночка, прикид «а-ля шестидесятые»: некрасивая обувь на толстой подошве, вечные джинсы и свитера-балахоны, скрывающие малейший намек на пол. Плюс огромные очки и длинные волосы для философ-романтиков. Но с философами-романтиками нужно связывать свою судьбу еще в студенчестве. Там таких много. В реальной жизни правит либидо, несвойственное философии. За исключением Фрейда, разумеется. Она не могла вызывать желание у такого самца, как он. Но он отдавал должное ее участию и однажды даже доверил ей подстричь ногти на своей правой руке.

Дальше дело не пошло. А еще через некоторое время он обнаружил, что ее инъекции доброты, провоцировавшие в нем приступы откровенности, начинают вызывать косые взгляды руководства. Вычислить источник утечки информации для него труда не составило. Откровения прекратились, равно как и ее приступы доброты. Позднее он и вовсе установил прямую зависимость между ее истинным отношением к человеку и полезностью этого человека лично для нее. Не меняя вкрадчивой тональности, она могла убить новичка наповал вежливым словом, если от него не исходило потенциальной пользы. Он ее не осуждал. В конце концов, каждый выбирает тот прицеп, который в состоянии перетащить в более-менее стабильное будущее. Ненадежной сексуальности она предпочла житейскую закамуфлированную жесткость. Но в таком случае он не видел ничего зазорного в гадких, пошлых и циничных сентенциях, которые отпускал в присутствии этого лицемерия в философских очках и джинсах. Это даже забавно – зная правду, наблюдать, как ложь прячется, словно ящерица, под камень общечеловеческих ценностей.

– А помнится, кто-то говорил, что собирается остаться холостяком? – не успокоилась тогда Лариса.

– Все мы так говорим, пока не встретим женщину своей мечты, – с наслаждением наступил он на ее больную мозоль.

– Интересно было бы посмотреть, – уязвленно заметила Лариса, с трудом удерживая на лице улыбку.

Ого! Она, оказывается, еще на что-то надеялась.

– Ни за что. Не хочу у некоторых наших дам развивать комплекс неполноценности...

После этого разговора с активной работой было покончено. Он еще выполнял какие-то старые заказы и сотрудничал с постоянными клиентами, которые желали видеть представителем от фирмы только его, но это скорее походило на хобби, чем на работу. Своего рода уби-

вание свободного времени, когда Лапочка была занята. Почему так произошло, он объяснял себе двояко. С одной стороны, он полагал, что оскорбленной себя почувствовала не только Лариса, хотя и ее одной было достаточно, чтобы представить руководству его новый облик – совершенно выпавшего из команды пофигиста. С другой стороны, это явилось предтечей глобального решения, к которому он, в принципе, был не готов. Но без этого решения он не мог рассчитывать на будущее рядом с Лапочкой. Еще вопрос – почему он вообще задумывался о таком будущем... Не надо спрашивать – нет ответа. Тогда еще не было...

Глава шестая

– Если предположить, что разгадка убийства в дневнике, то нужно просто разобрать типажи главных претендентов на ее руку, – объяснял на следующий день Николаев своему новому помощнику с Юго-Запада, покручивая в руках белую обезьянку, которую пристроил на своем столе еще в первый день расследования.

– Какая разгадка? – спросил Лунин. – Он же ее придушил. Экспертиза показала...

– Экспертиза экспертизой, но по своей ли воле он ее задушил? Вот в чем вопрос. Там ведь был кто-то третий. И в его дневнике тоже два подозреваемых. Даже три. Но одного мы отсекаем, потому что он как бы сходит со сцены сразу после спасения Рыжей. Понимаешь?

Лунин промолчал.

– Очевидно, что этот подозреваемый не в счет, поскольку он писал о себе. Значит, остаются двое. Оба ее безумно любят. Но одному она отвечает взаимностью, а второму – нет. Однако при этом лузер уступает победителю как по морально-волевым качествам, так и по физическим кондициям. Что из этого следует?..

Лунин пожал плечами.

– А следует то, что убивает ее, скорее всего, молодой. Со стариком он справиться не может. Да и не в старике дело. Она его не любит – вот мотив.

– Вы хотите сказать, что все это время, пока она жила с ним, в их жизни присутствовал кто-то еще? И он об этом узнал?

– Может быть. Только мы не знаем, кто с ней жил – молодой или старик. В реальной жизни он как бы посередине возрастной планки.

– Ну, это не важно. А потом, получается, что старик его как бы изнасиловал в отместку, или опустил, грубо говоря, на всю жизнь.

– Дельная мысль, – поднял палец Николаев.

– Думаю, это легко будет проверить. Я пробил номера на его телефоне. Последний звонок он сделал в фирму досуга.

Николаев, до этого с важным видом расхаживавший по комнате, присел на стул.

– Не-ет, – скривил он рот. – Я на него полночи убил, чуть с женой не поругался, а он обыкновенный извращенец?

– Пока не знаю, – равнодушно ответил Лунин. – Я полагаю, нужно сделать следующее: выяснить окольными путями, сколько у них мужчин-проституток, включая голубых, и в один вечер выдернуть всех, чтобы они не успели обменяться впечатлениями. И каждого вопросом в лоб: что же ты, дружок, на мокруху переключился? Только надо людей побольше.

– Людей найдем, – рассеянно сказал Николаев и цокнул языком.

– Что-то еще? – мгновенно среагировал Лунин.

– Нет, пока все, – махнул рукой Николаев.

Однако это было не все. Ни один из четверых мужчин, работавших в указанной фирме досуга, с покойными клиентами дела не имел. Не доверять им оснований не было – «поработали» с ними по высшему классу психологического давления. Один даже сознался, что предлагает своим клиентам кокаин. Не бесплатно, конечно. Однако оставалось очевидным, что какие-то контакты именно с этой фирмой досуга у покойных были. Помимо исходящего звонка, присутствовал еще и более поздний входящий – наверно, когда доставили проститутку. Пришлось наехать на саму фирму – с шиком, блеском и пиротехникой. Напугали всех по полной программе. «Нашли» при обыске несколько граммов героина и пистолет с полустертым номером. Хозяйка заведения, серая от представления о возможных проблемах, сидела ни живая ни мертвая. Довольный произведенным эффектом, Лунин попросил всех, кроме нее, выйти из комнаты и приступил к тому, ради чего, собственно, и пришел.

– Наркотики и оружие, как вы сами понимаете, статьи тяжелые, – на всякий случай придавил ее «контрольным» вступлением Лунин. – Ну а для того, чтобы, как говорится, два раза не бегать, мы еще и пару нераскрытых дел к этому стволу привяжем. Вам и без того говно лет десять хлебать полной ложкой, а нам какой-никакой процент раскрываемости зачтется.

Хозяйка, женщина лет сорока, закрыла лицо ладонями.

– Но, – выждав паузу, таинственно сообщил Лунин. – Могу предложить вам обмен на вполне законных основаниях. Мы убираем из протокола пушку и героин, а вы сдаете нам гомика, оставившего после себя два трупа. Соответственно, мы получаем свой процент, а вы просто закрываетесь.

– Два трупа? – горячо удивилась хозяйка. – Это не наши – сто процентов. Я бы знала и ничью задницу прикрывать бы не стала. Своя дороже. К тому же с подобным контингентом в наше время кадровых проблем нет.

– Я вижу, мы не договорились? – бесстрастно спросил Лунин.

– Подождите, – засуетилась хозяйка. – Мне нужно переговорить с диспетчером, который работал в тот день.

– Вызывайте его сюда. Прямо сейчас. Только не говорите, по какому поводу. Придумайте какие-нибудь производственные нужды, – усмехнулся Лунин.

В «производственных нуждах» хозяйка сориентировалась быстро, и через час в квартиру уже входила молодая блондинка, которая, тут же почуяв неладное, шарахнулась к двери прямо на руки двух оперативников.

– Спокойно, гражданочка, – прикрикнул на нее Лунин. – Уголовный розыск. Прошу вас. – Он протянул руку к открытой в комнату двери, где все так же в одиночестве кусала ногти хозяйка.

Блондинка, похоже, не сразу сообразила, что имеет дело с не совсем обыкновенной проверкой фирмы, а потому повела себя на первых порах довольно нагло.

– Руки! – возмущалась она, когда ее слегка подтолкнули в указанном Луниным направлении. – Не имеете права! Я ошиблась адресом!

Однако, завидев потерянную хозяйку, блондинка заметно сникла.

– Налево подрабатываешь? – зашипела на нее хозяйка.

– Тихо! – остановил ее Лунин.

– Значит, так, милая, – повернулся он к блондинке. – Неделю назад во время вашего дежурства был заказ на мужчину-проститутку. Нас интересует, кто обслуживал этот заказ.

Блондинка посмотрела на хозяйку.

– На тебе два трупа, дорогая, – зло сказала хозяйка. – Лучше сама все расскажи.

– Какие трупы? – опешила блондинка. – Не было никаких трупов! Он бы сказал!..

– Кто он? – тут же вцепился в нее Лунин.

– Муж, – после небольшой паузы произнесла девушка.

– Чей муж?

– Мой. Он ездил на этот вызов.

– Тю! – привстала с места хозяйка. – Хорошо устроилась со своим педерастом! То-то я думаю, у меня клиенты постоянные отсекаются начали! Ну, погоди, я тебе устрою волчий билет!

– Тихо! – вновь прикрикнул на нее Лунин. – Где сейчас находится ваш муж? – продолжил он допрос блондинки.

– Дома. Где же еще.

– Очень хорошо. В его интересах оставаться там до тех пор, пока за ним не приедут. Потайчук! – крикнул он в коридор и, указывая на блондинку вошедшему оперативнику, распорядился: – Давай вместе с девушкой к ней на квартиру, забирайте ее мужа – и к нам в контору. Как доставите, сообщишь мне. – В кабинет Николаева он входил с тем усталым видом победителя, с которым несколько дней назад следователь встретил его в доме погибшей парочки. –

Все, – развалился он на кресле в углу, картинно глядя в окно. – Нашли. Кстати, тоже не старый. Извольте допросить?

- Позже, – неожиданно осадил его Николаев.
- Почему позже? – вскинулся Лунин.
- Пусть попарится пару суток в одиночке, понервничает, чтобы уж наверняка.
- Вам видней, – с заметным недовольством произнес Лунин, вставая.
- Торопишься? – усмехнулся Николаев.
- Нет. Просто не вижу смысла затягивать процесс.
- Поверь мне, смысл есть.

* * *

Смысл действительно был. Этот гомик с подходящей фамилией Ландышев держал себя вызывающе даже после двух дней одиночки. Такое поведение характерно в двух случаях: либо он и в самом деле не чувствует за собой никакой вины и ничего не знает о трупах, либо уверен, что доказательств его вины нет. Николаев долго, не мигая, смотрел в его наглые глаза, которые подозреваемый даже не пытался отводить. Поправляя длинные темные волосы, Ландышев беззвучно посмеивался, и, похоже, его несколько забавляло свалившееся на него приключение. Напрасно.

– Я могу не задавать вам вопросы, – нарушил наконец тишину Николаев. – Вы ведь наверняка ничего не скажете мне о том, что произошло тогда в квартире между вами и клиентами. Хотите подписать готовый протокол с вашими отрицательными ответами?

– Ну, если после этого я могу быть свободен, то давайте подпишу, – ухмыльнулся Ландышев.

– Свободным вы сможете быть, наверно, лет через пять. Если очень дорогой адвокат докажет, что вы убили своего клиента из ревности.

– Какой ревности? Какое убийство? – слегка посерьезнел Ландышев.

– Двойное, – мрачно сказал Николаев. – После вашего визита к этой парочке их нашли мертвыми, и знаете, кому принадлежат единственные отпечатки пальцев, найденные в квартире? Помимо покойных жильцов, разумеется. Плюс ваша сперма в презервативе...

– Подождите-ка, – окончательно подтянулся Ландышев. – О какой парочке вы говорите? Клиент был один.

– Вы в этом уверены?

– Так же как в том, что меня задержали незаконно. Вы не имеете права вмешиваться в мою личную жизнь!

– Даже если ваша личная жизнь предполагает убийства партнеров?

– Какие убийства?! – вышел наконец из себя Ландышев. – Я не понимаю, о чем вы говорите!

– Значит, вы все-таки хотите ответить на мои вопросы? – спокойно спросил Николаев. Ландышев покраснел, фыркнул, но промолчал.

– Очень хорошо. Тогда у меня первый вопрос. Что произошло между вами и клиентом в этот вечер?

– Кроме полового акта, ничего! – почти выкрикнул Ландышев.

– Не нервничайте. Вы были знакомы с клиентом до этого вечера?

– Нет. Я его никогда и нигде не встречал.

– А девушку?

– Какую девушку?

– Которая находилась в этой же квартире в то время, как вы совершали половой акт с клиентом.

– Никакой девушки там не было!

– Вы в этом уверены?

– Господи! Как я могу быть не уверенным, если никакой девушки там не было!

Николаев отвернулся к окну.

– Плохо, – произнес он после паузы. – Плохо, что вы не хотите сотрудничать с нами в этом деле. Нам придется задержать вас как главного подозреваемого и, уж извините, остановиться в поисках убийцы исключительно на вашей особе.

– Гражданин следователь, – заметно сбавил тон Ландышев. – Объясните, что вы хотите от меня услышать. Я всего лишь отвечаю на ваши вопросы. Никаких трупов, никакой девушки я там не видел!

– Чтобы убедить в этом суд, вам придется проявить недюжинный талант актера. Хотя я сильно сомневаюсь, что и это переломит решение суда в вашу пользу. Поэтому предлагаю вам, если вы действительно ни в чем не виноваты, рассказать мне подробно – очень подробно – обо всем, что произошло в этот вечер в квартире клиента. Понимаете? Как он себя вел, что говорил, отлучался ли куда-нибудь, какие-то характерные особенности или странности...

Ландышев, шелкая костяшками пальцев, поднял глаза к потолку.

– Я просто не знаю, с чего начать... Вел он себя, конечно, странно. Даже очень странно. Как будто выпил или у него был жар, – все-таки начал Ландышев, и Николаев придвинул к себе листок бумаги. – И я сразу понял, что он не гомосексуалист. Это было понятно еще до полового акта.

Двумя часами позже перечитав написанное, Николаев понял, что Ландышев к гибели этой парочки абсолютно непричастен. С его слов выходило, что дверь ему открыл хозяин квартиры. Он был один. Не ответив на приветствие, он махнул рукой в сторону комнаты, где его потом и обнаружили мертвым.

– Не надо в душ! – упрямил он вопрос Ландышева о ванной комнате. – Это не займет много времени, и это не для меня! Да, не надо никаких прелюдий. Лапочка хочет разнообразия, и только...

Ландышев подумал, что Лапочкой он называет себя, но в процессе, так сказать, самого действия понял, что клиент обращается к кому-то другому. Правда, почему-то вслух. Ландышева для него как бы не существовало. С чем-либо подобным Ландышеву до сих пор сталкиваться не приходилось, хотя, как, наверно, гражданин следователь понимает, люди с такой ориентацией необычны сами по себе и к кое-каким выкрутасам клиентов он уже привык. Здесь сеанс походил на какой-то садомазохистский акт наказания. Хотя у Ландышева сложилось впечатление, что клиент ничего не чувствовал.

– Смотри, Лапочка, – повторял он в каком-то исступлении. – Смотри. Я готов ко всему, что тебе хочется. И все будет! Нельзя разрушать! Мы одни! И только мы можем сделать так, чтобы этот мир повернулся к нам своей безразличной мордой! А когда он к нам повернется, мы вклеим ему пощечину и пошлем куда подальше, Лапочка! И никто никогда не сможет нам помешать! Только люби меня так же, как я тебя, и все будет хорошо!.. Море, безмолвный закат, камин, собака – наша собака, Лапочка! Мы назовем ее Бобби Старший!..

В этом месте Николаев переспросил:

– Как, вы сказали, зовут собаку?

– Бобби Старший, – повторил Ландышев. – Я это очень хорошо запомнил, потому что никак не мог абстрагироваться от его слов. Мне это жутко мешало, и я долго не мог закончить. Ну а попросить его помолчать я, естественно, не мог...

Сколько конкретно продолжалось столь жутковатое действие, Ландышев не запомнил. Может, с полчаса или чуть меньше. Когда он закончил, клиент этого даже не заметил, продолжая разговаривать сам с собой. Ландышев встал, оделся и, тронув партнера за плечо, попросил рассчитаться. Хозяин оборвал себя на полуслове и, сунув руку под подушку, протянул

ему, не глядя, деньги. Денег оказалось больше оговоренной суммы, и Ландышев, как честный человек, положил лишнее на диван. Николаев мысленно отметил про себя, что про «лишние деньги» в отчете с места преступления ничего не сказано. Возможно, что их прибрала к рукам хозяйка. Если, конечно, Ландышев не врет про сдачу.

Вот, собственно, и все. После расчета Ландышев сразу ушел. Его никто не провожал. Клиент остался лежать в той же позе, в которой он его оставил. Он молчал, но на мертвого никак не походил. Захлопывал ли он за собой дверь, Ландышев не помнил. Наверно, хлопнул – не оставлять же ее открытой на площадку. Девушки – ни до его прихода, ни во время пребывания в квартире, ни после ухода – он не видел и не слышал. Честное слово. Какой ему резон скрывать этот факт? Для него это просто работа, за которую он получает деньги. Кого при этом пользоваться – женщину, мужчину или обоих, – для него значения не имеет. Проблемы ему тоже не нужны – своих выше крыши.

– Работа? – переспросил напоследок Николаев. – Какая же это работа? Это мерзость.

– Для вас мерзость, – согласился Ландышев. – А для меня, уроженца небольшого городка Моршанска в четвертом поколении, – работа. Знаете, что такое маленький российский город? Это повальное пьянство и в лучшем случае родство с кем-нибудь из бывших эзков, а в худшем – один или два срока за спиной. Во исполнение мечты, которую вы тут рисуете в телекартинках. В этой жизни главное – не проиграть. А каким образом ты выигрываешь и не опускаешься на дно – никого не волнует. Вы никогда не поприветствуете лузера – от него пахнет переносенным бельем и дешевым парфюмом. И вас не интересует, почему он проиграл, хотя, может, главная причина его поражения в том, что он чтит Уголовный кодекс и пытается сохранить детские представления о чести, добре и зле. А вот я вас заинтересую. Потому что ужинаю в хорошем ресторане и общаюсь с известными людьми. И знай вы на сто рядов, что моя задница мало чем отличается от дуршлага на вашей кухне, вы все равно, стиснув зубы, поздороваетесь со мной, потому что рядом будет стоять или сидеть, возможно, даже ваш начальник...

– Пшел вон, – вяло оборвал его Николаев.

Разговор с Ландышевым в плане морали его почти не зацепил. На всякий случай он нарисовал ему подписку о невыезде, но уже понимал, что это дело победных реляций не сулит. Понял это и Лунин, ознакомившись с показаниями Ландышева.

– Я бы повесил трупы на него, – искренне признался Лунин. – Одной мразью в городе стало бы меньше, а воздух – чище. Как посмотрю на эту педерастическую сволоту, такое зло берет. Люди из кожи вон выдираются, вчерашние аспиранты дворниками работают, а эти гниды жопой их бабки гребут. Бабы рожать отказываются – детей кормить нечем. Наверху все евреи да пидоры захватили – такая безнадега...

– Антисемит, что ли? Или гомофоб? – полушутливо остановил напарника Николаев.

– Да хоть горшком назовите, – не понял шутки Лунин. – Я вам честно скажу: начнись завтра какая-нибудь заварушка, типа фашистского переворота или большевистской революции, ищите меня у нового папы Мюллера. Не по убеждениям. Уж больно мозги кое-кому вправить хочется.

– Ты бы со своими мозгами сначала разобрался, – строго сказал ему Николаев. – Что там с Владивостоком?

– Ничего. Вот отчет – почитайте. Хотя смысла уже, наверно, нет. Все и так ясно...

Глава седьмая

Она вела себя естественно. Веселилась, встречалась с подругами, родственниками и знакомыми. С удовольствием рассказывала ему о своих впечатлениях по вечерам. Иногда ей звонил муж. Она прикладывала палец к губам и нежно ворковала: «Да, котенок... Я тоже, котенок... Нет, котенок... Ты себя хорошо ведешь? Я тоже... Конечно, скучаю, котенок... Целую... Хорошо...» Она разговаривала с мужем, он смотрел на нее и пытался найти отличия в том, как она ведет себя с ним и с благоверным. Ему хотелось, чтобы эти отличия были. Он их придумывал сам, когда то ли замечал, то ли дорисовывал ее желание поскорее прекратить телефонный разговор и вернуться к нему. Когда она спрашивала у мужа про деньги, а потом объявляла: завтра гуляем! Когда рассматривала ногти одной руки, другой прижимая трубку к уху, а перед ним приподнимала плечико в неосознанном кокетстве и уже так же, как и он, тушила сигарету в пепельнице – отламывая огонек и укладывая рядом пустой фильтр.

О приобретенной от него привычке тушить сигареты она сообщила сама. Ему этого было мало. А в те моменты, когда он и вовсе не видел искомые отличия, он, пользуясь ее незащищенностью, садился на пол перед коленями Лапочки и, с силой раздвигая ее напрягавшиеся ноги, проникал лицом туда, где одно его дыхание заставляло голос верной жены сбиваться и дрожать, торопливо прощаясь с «котенком», которого она «любит, целует», но ей «кто-то звонит по второй линии – может, мама что-то хочет сообщить про Эдгара или сам Эдгар... Все, целую, пока, котенок...»

– Плохой мальчик, – говорила она ему минут через сорок в постели, лежа в любимой позе – на животике и – уже привычно для него – с трудом придавая осмысленность уплывшему взгляду.

– Почему? – смеялся он.

– Сережа прекрасно знает, как я говорю, когда занимаюсь любовью, а ты специально делаешь, чтобы голос меня выдавал. Специально же?

– Нет, – шуточно отпирался он. – Просто не в силах был терпеть ни минуты. Я же не могу позволить разрядиться себе в штаны.

– Любопытно было бы посмотреть...

– О! Да ты извращенка!

– Ужасная!

– И какое у тебя любимое извращение?

– Ну, я же не знаю, что ты считаешь извращением...

– Ты скажи, а я определю – извращение это или нет. Я ведь тоже считаю себя извращенцем...

– Да? Это интересно... Однажды я занималась любовью с девочкой...

– Нашла чем удивить... Это теперь в порядке вещей. Если девочки красивые, я бы и сам посмотрел...

– А я бы на мальчиков.

– Фу-у-у!

– Просто из любопытства!

– Даже из любопытства: фу-у-у! Меня ты уж точно никогда на этой картине не увидишь. Разве только жизнь загонит в такой тупик, что захочется показать ей огромную некрасивую дулю перед уходом! Чтобы эту жизнь передернуло от брезгливости к самой себе...

– Прекрати, я же поклонница нормального секса. Ты сказал, что посмотрел бы на девочек, я ответила про мальчиков...

– Ладно, так, кроме сеанса лесбийской любви, ничего у тебя больше не было?

– Было. Однажды меня ласкали шесть мальчиков... Но любовью я занималась только с одним!

– Это ты только что придумала, – улыбнулся он.

– Нет, это правда! У нас есть знакомые мальчики – они все женатые, – снимают вскладчину квартиру специально для встреч с девочками. Мы с подружкой с ними просто дружили. Даже приезжали туда в гости, когда они там развлекались со своими девочками. Но с нами у них ничего не было. А один раз мы приехали туда после ночного клуба просто потусить – никто не хотел спать или ехать домой. Все были пьяные, и мы почему-то решили заняться любовью. Подружка уединилась с одним мальчиком, который ей нравился, а со мной остались шестеро. Я сама сказала им раздеться, чтобы сделать свой выбор. Сначала все было как бы в шутку, но они на самом деле разделись, начали меня ласкать. Потом я попросила одного остаться, а остальных уйти – с ним мы и занимались любовью. Причем только один раз, и после этой ночи я его больше никогда не видела.

– Он не хотел?

– Он хотел. Я не хотела. Зачем?

Она смотрела на него невинными глазами, в глубине которых он видел озорную констатацию полученного от ее рассказов эффекта – он вновь готов был к «битве» и потихоньку подкатывался к ней на нулевое расстояние.

– Что? – как бы удивленно шептала она.

– Хочу тебя, – накрывал ее губы страстным поцелуем Бобби Старший.

И она вновь оказывалась в его власти, и он старался удержать эту власть как можно дольше, из последних сил сдерживая короткую волну наслаждения, которая на самом деле утратила для него первостепенное значение по сравнению с самим процессом. Исполдволь он понимал, что такая смена сексуальных приоритетов может сыграть с ним злую шутку. Это понимание укрепилось скорым неожиданным открытием: его перестали возбуждать другие женщины. Он не мог представить себе, как с таким же наслаждением доставляет удовольствие любой из попадававшихся ему на глаза красоток. Некрасивые женщины и вовсе начали раздражать его своим существованием.

До поры до времени он не выпускал эту тревогу наружу, но в минуты, когда его опаляла мысль о ее будущем отъезде, он мог спросить, например, это:

– Почему ты не употребляешь слова «трахаться» или «заниматься сексом»? У тебя это выглядит только как «занятия любовью»...

– Мне нравится заниматься любовью, а не сексом, когда все нежненько, приятненько – как с тобой, – бесхитростно отвечала она.

Он смотрел ей прямо в глаза, она избегала его взгляда, но, когда уловки не срабатывали, задавала традиционный вопрос:

– Что?

– Ничего. Пока... – отвечал он.

Он предпринимал отчаянные попытки обнаружить в ней хоть что-то, отталкивавшее его в других женщинах, но ничего не находил. Или находил, но мгновенно проникался умилением, как доверчиво открывавшейся перед ним сокровенности. На ее правой щиколотке пятнышком в монетку проступали венки. Он целовал эту монетку так осторожно, как будто поглаживал губами собственное сердце на ладони. Она жаловалась, что у нее выпадают волосы, он часами массажировал ее голову. Ей казалось неприличным иметь растительность на лобке, он с силой убирал ее руки и намертво прилипал лицом к подрастающей шерстке. А еще она немножко сутулилась и у нее был мягкий животик рожавшей женщины – такой нежный, что у Бобби Старшего голова кружилась в предобморочном восхищении...

Прорывать начало на экваторе ее пребывания в России. В воскресенье вечером из другого города приезжала ее сестра. Лапочка должна была с ней встретиться и остаться за горо-

дом на двое суток. Весь день они провели в постели, время от времени сливаясь друг с другом в нежелании расставаться. Он был немного пьян, и они вызвали такси. Когда до приезда такси оставалось каких-нибудь полчаса, Лапочка сама повалила его на спину и, оседлав его, страстно ускакала галопом в неведомые для мужчины дали наслаждения. Когда она, обессиленная, упала на его грудь, он сам еще долго не мог прийти в себя.

– Ужас, – прошептала она свое любимое словечко.

– Почему? – спросил он.

– Я... – начала она, но не договорила.

– Ну, – нетерпеливо сказал он. – Говори. Сейчас придет такси.

– Не скажу. Не могу. Я сброшу тебе СМС.

– Не забудь, – разочарованно вздохнул он.

Он догадывался, что она хотела ему сказать. Но ему пришлось протомиться в ожидании этих слов еще несколько часов. Он сам отмерял наиболее логичный момент, когда она возьмет в руки телефон. Вот она едет в такси, предвкушая встречу с сестрой, – не до объяснений. Они идут в кафе – нужно исполнить определенный ритуал, сестры не виделись четыре года. Прошел еще час. Теперь пора. Должна же она отлучиться – припудрить носик или покурить на свежем воздухе. Он взял в руки телефон, походил с ним по комнате, посидел в кресле, вновь походил, и только когда уже решил, что она, наверно, забыла о своем обещании или он ошибся в своих расчетах – да и вообще ошибся, – телефон наконец пискнул принятым сообщением: «Сегодня, когда мы занимались любовью перед моим отъездом, я чуть не сказала, что люблю тебя... Ужас!»

Бобби Старший облегченно вздохнул и блаженно развалился на кровати. В первые минуты эйфории он всерьез полагал, что получил огромное преимущество. Ему показалось, что теперь все зависит от него, а это значит, что любой исход будет правильным, выверенным и точным. На другие решения он не способен. Впереди безмерное счастье и безграничная любовь. Судьба подарила ему самую прекрасную женщину на свете, с которой он готов прожить всю жизнь. Судьба оказалась настолько благосклонной, что даже назначила его лидером в их отношениях. Это справедливо. Пахнет Грином и Войнич, но иногда и самая невероятная фантазия обретает реальность. В его случае процесс упрощается – реальность становится сродни фантазии.

В подтверждение его поспешных выводов Лапочка звонила ему с небольшими перерывами до пяти утра: передавала привет от сестры, жаловалась, что ее кто-то обидел, плакала и отключала телефон, смеялась и опять исчезала, говорила, что хочет приехать немедленно и заняться любовью, звала его за город в пустую квартиру, где, кроме нее и сестры, никого нет... Переполненный ощущением собственной значимости в ее жизни, он даже немного устал и ближе к утру позволил себе несколько суховатый тон. Но он слишком рано отпраздновал победу. Она не собиралась сдаваться без боя. Ее инстинкт сопротивления оказался не слабее, чем у него. Через четыре дня она ушла во второй раз.

Это был нелепый уход, абсолютно не продиктованный логикой прошедшего дня, в течение которого их губы размыкались только для того, чтобы принять пищу или покурить. Вечером они уже по традиции отправились в клуб. Она выпила и стала вытворять совершенно несвойственные ей вещи. Несвойственные – в его сложившемся представлении о ней. Он ее почти не видел. Исчезнувшую после первого похода в туалетную комнату, сначала он обнаружил ее в клубном казино. Она сидела королевой в окружении «лиц кавказской национальности» и азартно проигрывала в блек-джек полученные накануне от мужа деньги.

– Лапа, – тронул он ее за руку, обратив на себя недовольные взгляды завсегдатаев казино.

– Подожди, – отмахнулась она. – Я должна отыграться!

– Сколько ты уже проиграла? – спросил он.

– Какая тебе разница? – грубо ответила она. – Это не твои деньги.

Мгновенная обида ядерной вспышкой вынесла его из казино. Присев за столик, где они расположились втроем с ее подружкой – на этот раз худой, как вобла, и некстати разговорчивой, – он заказал две стопки текилы, которые выпил одну за другой без соли и лимона. Обида не прошла, но взяла себя в руки, надеясь, что это было досадное недоразумение. Однако все только начиналось. Вернувшись из казино, Лапочка смачно выругалась, тоже что-то выпила и отправилась на поиски приключений. Для красивой пьяной женщины найти приключения не проблема. За ней тут же увязался невысокий, как выяснилось позже, армянин, сидевший рядом с ней в казино. Армянин увлек ее на танец, по окончании которого Бобби Старший понял, что ситуация по непонятным причинам выходит из-под контроля. Он тут же потянул Лапочку на новый танец, но она отказалась, сославшись на усталость. Он опять вернулся к столу и, обернувшись, увидел Лапочку, танцующую уже с другим – мелким, лысым, противным...

В Бобби Старшем разыгрался дух соперничества. В следующую минуту он уже угощал виски возле стойки бара смазливую блондинку, положив руку на ее талию. Потом с полчаса вышаркивал что-то ритмичное напротив вываливающейся из ночной сорочки груди. Лицо над грудью не запомнил. Следующим номером стало подхватывание на руки одной старой знакомой, безуспешно пытавшейся в прошлом напротиться к нему в гости и как нельзя более кстати оказавшейся здесь сегодня. Все это время он не выпускал Лапочку из виду, даже не запоминая имен своих соучастниц, остававшихся в неведении насчет истинных мотивов его поведения. Она все видела. А он видел, что она ужасно сердится. В рентгене цветомузыки возле нее то и дело объявлялся все тот же армянин из казино. Она, кажется, не слушала его, рассеянно кивая головой, но он все равно совал длинный нос в ее равнодушное ушко. И, похоже, добился своего. Заиграла медленная мелодия, и, положив руки на плечи своему искусителю, Лапочка отправилась в очередной танцевальный тур. Все бы ничего, но рука партнера практически сползла на ее ягодички. Помнится, когда Бобби Старший позволил себе подобную вольность несколько недель назад, то едва не остался без рук. Он остановился, извинился перед очередной «жертвой» и вернулся к столу. Он прождал ее пять минут. Она не возвращалась. Тогда он встал, вышел из клуба и уехал домой.

Дома он, не раздеваясь, включил музыку и плюхнулся на кровать. Ждать было легко – его колотило от ярости, тут уж не до сна. Да и Лапочка не заставила себя ждать. Шумно ввалившись в квартиру вместе с подружкой через полчаса, она с шутками и смехом принялась собирать вещи. Его для нее как бы не существовало.

– О! Презервативы! – пьяно обрадовалась подружка, обнаружив возле кровати цветную упаковку.

– Возьми парочку! – вызывающе весело крикнула Лапочка. – Они нам сегодня пригодятся!

– С чеченцем познакомились? – едва сдерживаясь, шутливо поинтересовался Бобби Старший.

– С армянином, – невозмутимо ответила Лапочка. – Такой классный парень!

– Поздравляю, – сказал он.

Когда она все собрала – уже привычно быстро – и открывала входную дверь, он протянул руку за диван и, пошарив, выудил трусики, которые она «потеряла» пару дней назад. Он знал, где они лежат, и имел на них свои виды. Виды свернулись в трубочку и отыграли бодрый марш сказочного мальчика Нильса, потопившего полчища крыс.

– Подожди, ты забыла, – протянул он ей трусики.

Что-то дрогнуло в ее лице, и он понял, что все это была игра и она сама уже не рада тому, что начала ее. Но лично он не видел ни одного способа что-либо исправить. И этот армянин с презервативами, и это казино с ее грубостью. Достаточно было и того, что она позволила себе предположить, будто с ним можно так поступать. И уже совершенно неважно, какими благо-

родными мотивами она при этом руководствовалась. Он закрыл дверь, когда она, спускаясь по лестнице со своим чемоданом на колесиках, еще смотрела в его глаза.

Ну и, конечно, всплакнул. Тут же, как только закрыл за ней дверь. Он стал ужасно сентиментален. Наверно, он таким был всегда, но в окружавшем его до сих пор мире просто не находилось людей, событий или явлений, которые подвигли бы его на подобное открытие самого себя. А ведь по-всякому бывало. И лучший друг погибал на глазах, распятый электротоком на металлической решетке. И любимые дворовые собачки с кошками под машины попадали. И боль настигала невыносимая – когда по неосторожности, когда по глупости. Всякое бывало. Но такого не было...

Он удивленно пялился в мутную пелену, когда из-за бессонницы вставлял в видеомагнитофон заезженный «Город ангелов», а его широко открытые глаза наполнялись влагой даже на тех моментах картины, где, по задумке авторов, вроде бы положено улыбаться. Он останавливался на кухне и тупо смотрел на стол, в противоположную сторону которого несколько часов назад упиралась ее локти. Он сбрасывал пепел в пепельницу и застывал над ней с обуглившимся фильтром между пальцев, рассматривая фильтры от других сигарет с отпечатками губной помады по кругу. Он шарил по кровати в поисках ее волос, но она как будто и эти волоски, постоянно попадавшие ему раньше, забрала с собой. И выть хотелось, как самому одинокому волку на свете, и резать грудь – но градусов не хватало. И не потому, что она ушла. А потому, что она не вернется. В отличие от первого раза теперь это было невозможно...

Глава восьмая

Так он думал, когда забывался под утро в тревожном сне. Она дождалась, когда он уснет, и сбросила сообщение: «Ты неисправим! Почему ты так поступаешь? Что тебя толкает на это? Говоришь, что тебя тянет только ко мне, но флиртуешь с другими девочками. Я не хотела звонить и писать. Близости у нас, конечно, уже не будет, но зла на тебя держать не могу... Не могу тебя понять... Надеюсь, тебе хоть немного стыдно. Никакого армянина нет. Я со злости сказала. Хорошего тебе дня. Ну, и мне не хворать...» И почти тут же второе: «Я долго думала и поняла: ты поступаешь так для того, чтобы я тебя ревновала. Чтобы ты чувствовал, что я тебя люблю. Но ведь я и так тебя люблю! Просто мы не можем... Ты должен это понимать...» И в завершение: «Мне плохо... Очень плохо...»

Наверно, она сбрасывала что-то еще, но память его старенького телефона не вместила всех перипетий ее внутренней борьбы с собой. Впрочем, когда он проснулся, для него и этого было достаточно, чтобы вновь обрести уверенность в себе. Он не сомневался, что она сегодня же вернется к нему. Но, прежде чем набрать номер ее телефона, он тщательно обозначил смысловой ультиматум, который она обязана принять во избежание очередного кошмара. Ультиматум он отправил в письменной форме. В устной у него бы язык не повернулся предъявлять ей какие-то претензии. Ну а СМС все стерпит. Он перечислил все: и намеки на его незавидное материальное положение в казино (хотя был уверен, что она об этом даже не думала), и армянина, руки которого лежали на ее ягодицах, и, естественно, презервативы, унизившие его дальше некуда, и даже долбанных подружек, которым, наверно, доставляет удовольствие помогать ей с переездами, вместо того чтобы дать им возможность решить все проблемы наедине.

Едва нажав кнопку «отправить», он тут же испугался за излишне резкий тон и переживал долгих десять минут, пока наконец не пришел тот ответ, на который он и рассчитывал: «Это не так! Я на самом деле влюбилась в тебя как девчонка, но не могу понять, почему мы всегда ругаемся!» Капитуляцию он, конечно, принял, но не смог отказать себе в удовольствии еще раз надавить на жалость к себе, упрекнув ее в меркантильности отношений. Ее последний ответ удовлетворил его окончательно: «Ты знаешь, что я могу быть нежной, ласковой, любящей. Ты так все воспринял... Я не хотела тебя обидеть. Извини меня, пожалуйста...»

Был уже глубокий вечер, когда он наконец ей позвонил.

– Привет.

– Привет.

– Как ты?

– Неважно.

– Я тоже... Без тебя...

– Что ж теперь поделать...

– Что касается меня, то я собираюсь сделать очень простую вещь: приехать за тобой и привезти тебя вместе с вещами ко мне.

– Это будет уже смешно.

– Кому?

– Со стороны.

– Тебя волнует какая-то сторона? Нам осталось с тобой чуть больше двух недель. Я не хочу терять ни одного дня...

Она долго молчала. Он ее не торопил.

– Ты понимаешь, что происходит? – спросила она.

– Да, – подумав, ответил он.

– Я не про твой приезд и вещи.

- Я тоже не об этом...
- Будет больно...
- Надо полагать...
- Я боюсь...
- Я тоже...

Через два часа она сидела в его машине, а он, улыбаясь, смотрел на дорогу. Больно, конечно, будет. Но это когда будет, а пока они вместе и впереди еще столько часов, минут, секунд...

* * *

Время изменчиво. И в сутках бывает не двадцать четыре часа, а какая-то жалкая студенческая пара. Все спрессовывается в малюсенький промежуток там, где пыльным цветом расцветает бесперспективное чувство. Он перестал любить вечер – очередной день подходил к концу, он ненавидел утро – значит, вчерашний день прошел наверняка. То, что происходило между ними, уже мало напоминало борьбу. Скорее агонию.

– У него был просто огромный член, – разрежала она его откровенным признанием на две половины. И одна жестоко страдающая половина с неприязнью смотрела на вторую – деревенеющую всеми органами от необычайного возбуждения.

– Он никогда не засовывал его в меня целиком и просил, чтобы я сама регулировала глубину. Поэтому я почти всегда была сверху. Он меня изматывал ужасно. Много кончал и постоянно хотел еще – я так уставала. Наверно, несколько килограммов сбрасывала. Я физически не выдерживала встречаться с ним чаще двух раз в неделю. Он говорил, что я сделала его настоящим мужчиной. Я понимала, о чем он говорит. С таким большим членом трудно найти себе постоянную девочку... У Сережи тоже большой – он и сам у меня крупный мужчина. Но все-таки не такой огромный...

А через полчаса он подкуривал сигарету и, пристально глядя ей в глаза, спрашивал:

– Ты пробовала представить нас вдвоем?.. В жизни...

Она серьезнела лицом и тихо отвечала:

– Да... Но ты так много обо мне знаешь, что мы, наверно, уже не смогли бы жить вместе.

– Почему?

– Ты не доверял бы мне. Ты знаешь больше, чем мой муж. Может, даже больше, чем кто-либо вообще...

– Ты нарочно перекрыла все эти тропинки на нашу общую дорожку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.